Фридрих

НЕЗНАНСКИЙ

Криминальное наследство

МАРШ ТУРЕЦКОГО

Ф. Незнанский

Фридрих Евсеевич Незнанский

Криминальное наследство

Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169325
Криминальное наследство: Олимп, АСТ; Москва; 2007
ISBN 5-17-041376-9, 5-7390-2014-X

Аннотация

На подмосковном шоссе неизвестными расстреляны две машины. Среди погибших пассажиров оказались известный банкир и православный священник.

За расследование взялась областая прокуратура, но тут карты спутала новая смерть – убит сын банкира, давно не общавшийся с отцом, но упомянутый в завещании. Все имевшиеся прежде версии следствия рухнули. Пока за дело не взялся следователь Генпрокуратуры Александр Турецкий…

Содержание

1 4
2 18
3 35
4 51
5 66
6 78
Конец ознакомительного фрагмента. 90

1

Следователь прокуратуры Московской области юрист первого класса Савва Алексеев с тоской посмотрел на отливавшую черненым серебром в свете фар ленту шоссе, бегущую навстречу их разгонной «девятке», и едва удержался от какого-нибудь подходящего к случаю крепкого словца. Начавшийся каких-нибудь два часа назад «собачий» год почти моментально оправдал свое название…

Впрочем, если память ему не изменяет, прошлогодняя ночь самого любимого россиянами праздника была еще хуже: сегодня он по крайней мере успел осушить бокал шампанского под бой курантов, а тогда и вовсе пришлось дежурить с восьми вечера до восьми утра. Единственное, о чем сейчас жалел Савва, – так это что за прошедшие два часа не успел напиться до состояния, исключавшего срочный вызов на работу – то бишь на место очередного происшествия. А все Люська – жена… Она и виновата, поскольку решительно убрала с новогоднего стола аппетитно запотевшую бутылку «Путинки»… Вот пусть теперь и кукует одна наедине с оставшейся после распития «Абрау Дюрсо» бутылкой полусухой кислятины!

Мысль о том, что Люська сама себя наказала, слегка улучшила настроение Саввы Васильевича. В этот момент позади «девятки» запела милицейская сирена, и почти сразу в зер-

кале заднего вида показался, пока еще далекий, микроавтобус «мерседес», окруженный всполохами разноцветных сине-красных огней, крутившихся и моргавших на его крыше.

– О!.. Кажись, наши, – добродушно хмыкнул пожилой водитель «девятки» Виталий Иванович, просидевший на работе в облпрокуратуре за баранкой уже добрый десяток лет. – Быстренько, однако, собрались…

– Притормози немного, – буркнул Алексеев и покосился на водителя. Спокойствию Виталия Ивановича можно было только позавидовать: словно и не его оторвали от новогоднего стола: трезв как стеклышко, ни намека на недовольство.

Между тем неуместно праздничного вида микроавтобус успел нагнать прижавшуюся к обочине «девятку» и тоже остановился. Дверца его плавно отъехала в сторону, и из глубины салона высунулась хорошо знакомая Савве физиономия Олега Александрова, капитана из подмосковного угро.

– Привет, Савва… – Он дождался, когда Алексеев выберется из машины и, обойдя ее, подойдет к «мерседесу» вплотную. – С Новым годом тебя, дорогой коллега!

– И вам того же и по тому же месту, – буркнул следователь, протягивая для пожатия руку. Олег фыркнул и мотнул головой:

– Да уж… Обильный обещает быть годик, если начинается сразу с пяти трупешников… Залезай к нам, место есть!

Алексеев кивнул и, наказав Виталию Ивановичу следовать за микроавтобусом, нырнул в теплое нутро салона.

– Ого… Неужто все в сборе? – Он оглядел не самые радостные лица пассажиров, среди коих кроме Олега обнаружился еще один знакомец из угро – Боря Погорелов, недавно получивший майора. Остальные двое знакомы Савве не были.

– Разреши представить, – усмехнулся Олег. – Вот этот приятный молодой человек в модных очках, скрывающих умные глаза, – новый эксперт-криминалист из нашего ГУВД, а белокурая красавица вовсе не снегурочка, как ты, вероятно, подумал, а Женечка Адамова, судмедэксперт…

«Молодой человек в модных очках» усмехнулся и кивнул Алексееву:

– Будем знакомы – я Тимур Алиев, действительно из ЭКУ… С Новым годом!..

– С Новым… – Савва Васильевич наконец улыбнулся и с любопытством покосился на Адамову, очень миловидную блондинку в распахнутой дорогой шубке из норки. Девушка серьезно кивнула следователю и тут же отвернулась: в пышных локонах искорками засверкали блестки, похожие на первый снег, которым нынешняя кислая зима так пока и не побаловала ни москвичей, ни жителей Подмосковья.

– Не знаешь, далеко еще? – поинтересовался Олег, дождавшись, когда Савва усядется на свободное место. – А то я в этой стороне в последний раз был с полгода назад, если память не изменяет…

– Километра два осталось, не больше. – Алексеев вздох-

нул. – Ты хоть в курсе, кого там уложили?

– А ты что, не в курсе?!

– Разумеется, нет! – Савва Васильевич нахмурился. – Единственное, что сказал дежурный: мол, срочно собирайся, на сорок втором километре Горьковского расстреляна машина, куча трупов… Через двадцать минут за мной уже заехали.

– А, ну да… Тебе ж от дома, считай, только до Балашихи час пилить… А дельце, похоже, Савва Васильевич, тухлое: среди трупов по крайней мере один почти стопроцентно тянет на заказняк: господин Сурик…

Алексеев в ответ округлил брови и, не удержавшись, присвистнул:

– Это который банк «Континент-трасс»?!..

– Он самый… Допрыгался наш Вадим Вячеславович по ходу…

– Дьявол… Вот дьявол!.. Только этого нам и не хватало… А остальные?

– Про остальных на месте узнаем, – покачал головой капитан, и как раз в этот момент из-за плавного поворота шоссе полыхнул яркий, но, к сожалению, совсем не новогодний свет, а в лучах фар «мерседеса» засветилась полосатая милицейская лента, перегораживающая трассу…

Первое, что бросалось в глаза, был косо стоявший на обочине черный «БМВ» с пулевыми отверстиями на лобовом стекле. Метрах в ста от него поперек шоссе застыл «мерсе-

дес» с распахнутыми дверцами, у которого стекол, во всяком случае боковых со стороны водителя, и вовсе не осталось. Возле него неподвижно стояли две фигуры в милицейской форме, еще метрах в пятидесяти дальше виднелась вторая полосатая лента и две припаркованные на обочине машины: обычный милицейский «газик» и какая-то иномарка с плотно закрытыми дверцами.

– Кто выехал-то? – хмуро поинтересовался Алексеев, прежде чем открыть дверцу затормозившего микроавтобуса. – Балашихинские?..

– Не-а, Купавна… Ладно, пошли!

– Погоди… Кто их тут в такое время вообще обнаружил?

– Я так думаю, – буркнул Олег, – хозяин во-он той иномарки, насколько знаю намылившийся вместе со своей подружкой продолжить празднование Нового года в столице…

Капитан Александров оказался абсолютно прав. Первым человеком, попавшим на место преступления, оказался некто Сергей Сергеевич Попов, двадцативосьмилетний предприниматель из Павловского Посада, вознамерившийся, вероятно под воздействием шампанского, вместе со своей девушкой по имени Катя рвануть по пустой, как он думал, новогодней трассе в столицу к друзьям… От алкогольных паров, подвигнувших его на такое решение, правда, к моменту прибытия дежурной группы областного ГУВД и следователя у означенного предпринимателя и следа не осталось.

Так же как и от праздничного настроения. О девушке и говорить не приходилось – истерика, случившаяся с ней при виде расстрелянных машин, длилась с небольшими перерывами по сей момент…

Направляясь к ближайшей из пострадавших иномарок – черному «БМВ» – Савва Васильевич углядел еще одну прибывшую на место преступления бригаду – медицинскую: реанимационный автобус, почти точная копия их собственного «мерседеса», стоял в стороне на обочине, и, судя по мельтешившим на его матовых стеклах теням, работа для докторов все-таки нашлась.

– Что там? – Следователь повернулся к суетливо кинувшемуся им навстречу замерзшему лейтенантику, кивнув на реанимационку.

– Двое охранников т-только р-ранены, – доложил тот. И, подумав, добавил: – Т-тяжело, правда…

– В сознании?

– Од-дин… Я его опросил н-немного…

– И что?

– Г-говорит, стреляли на обгоне, из «Ауди А8»… Потом, после уже, «ауди» развернулась и рванула от Москвы…

Следователь вздохнул и, вплотную подойдя к первой из машин, задумчиво глянул на неподвижный затылок водителя, лежавшего головой и грудью на руле. Судя по его позе, парень был убит наповал первыми же очередями, следы которых были хорошо видны на полуоткрытой дверце машины.

– Охрана ехала здесь?

Лейтенант молча кивнул. Савва Васильевич глянул на него сочувственно и, поколебавшись, отослал парня в машину:

– Идите погрейтесь, поговорим позже. Вы совсем окоченели!

Он некоторое время постоял возле замершей черной машины, наблюдая за слаженной суетой возле «мерседеса», в котором находился убитый банкир: что-то подымал с земли присевший на корточки Тимур Алиев, стоя рядом с ним, тихо переговаривались Олег с Борисом Погореловым. Судмедэксперт к своим обязанностям еще не приступала, нетерпеливо поглядывая в сторону Алексеева, замешкавшегося возле «БМВ».

Картина, ожидавшая Савву Васильевича в салоне второй машины, была по-настоящему ужасна: за пятнадцать лет своей работы в органах следователь успел повидать всякое и, как ему казалось, давно утратил свою врожденную впечатлительность… Однако то, что он увидел, подойдя вплотную к «мерседесу», впервые за последние несколько лет вызвало у Алексеева волну тошноты, поднявшуюся от желудка и едва не достигшую глотки… Савва Васильевич выматерился и на мгновение отвел глаза…

В пассажиров этой машины стреляли из автомата с близкого расстояния: у банкира, который явно был основной целью киллера, вместо левой половины лица осталось сплош-

ное кровавое месиво, лица женщины, застывшей в полусогнутом положении на груди Сурина, видно не было. Зато успевшие застыть на морозе волосы на затылке оказались насквозь пропитанными кровью Сурина… Да, не диво, что у подруги свидетеля случилась затяжная истерика, если она видела внутренность салона…

Алексеев с некоторым усилием оторвал взгляд от убитых банкира и, судя по всему, его жены и, едва глянув на третьего пассажира «мерседеса», сидевшего с запрокинутой головой (ему автоматная очередь прошила шею), вздрогнул от неожиданности: он ожидал увидеть в качестве еще одной жертвы кого угодно, но… Священник?!

– Да, Савва, такие вот дела, – негромко произнес оказавшийся рядом с ним капитан Александров. – Редкий случай – батюшку замочить не побоялись!

Савва Васильевич молча кивнул, отлично поняв, что имеет в виду Олег: киллеры, так же как и в принципе братки, народ суеверный, как ни странно, и в Бога, пусть своеобразно, многие верят… А если и не верят – на всякий случай (а вдруг и правда есть?..) в священнослужителей не стреляют никогда… Во всяком случае, в его следовательской практике такого не было… Да-а-а, дела!

Он искоса глянул на тело водителя «мерседеса», скорчившееся на полу машины, и повернулся к Тимуру, как раз поднявшемуся с колен и молча отряхивающему брюки.

– Картинка… – буркнул криминалист. И, не дожидаясь

вопроса следователя, коротко доложил: – Стреляли из «калаша» и из «макарова», так что киллерюг было минимум двое… Пока большего сказать не могу.

– Ясное дело, не можете. – Савва Васильевич отошел от машины и направился в сторону своей «девятки»: пора было приступать к самой занудной части работы – тщательному и подробному описанию места преступления, включавшему в себя массу деталей, которые и без этого запечатлеют снимки криминалиста, уже доставшего свою аппаратуру: расположение расстрелянных машин, расстояние между ними, положение трупов, внешний характер ранений… Затем настанет очередь того, что надиктует ему уже судмедэксперт – красотка Женечка, в данный момент с нейтральным видом стоявшая в стороне в ожидании своей очереди… Да, не позавидуешь девушке!

– Документы у них достали? – сухо поинтересовался Алексеев у Олега.

– У Сурина еще до нас извлекли, а у остальных – нет.

– Судя по всему, женщина его жена, – пробормотал Савва.

– Никак нет! – Следователь вздрогнул от неожиданности: лейтенант, которого он отослал погреться в машину, видимо, уже пришел в себя и успел образоваться рядом с ними совершенно бесшумно.

– То есть как это – нет? – переспросил тоже слегка вздрогнувший Олег.

– Убитая – блондинка, – смущенно произнес тот. – Я, ко-

гда мы только подъехали, сразу фонариком салон обшарил, она… Блондинка, словом… А Лариса Сергеевна брюнеточка…

– Откуда знаешь, знаком, что ли? – почему-то подозрительно поинтересовался капитан, отчего лейтенантик и вовсе сделался пунцовым.

– Никак нет, не знаком… То есть… Я хотел сказать, ее все знают… То есть не все, но…

– Говорите яснее, в чем дело? Откуда ее «все» или, напротив, «не все» знают? – прервал его бормотание следователь.

– От конкурса красоты! – выпалил лейтенант. – Она ж это… Почти победила, моя жена все эти конкурсы по телевизору смотрит, очень ей эта Дроздова нравилась? Она даже расстраивалась, когда Лариса Сергеевна замуж вышла… Ясное дело, разве такой муж позволил бы ей в конкурсах участвовать?

Капитан и следователь переглянулись и, дружно кивнув лейтенанту, направились к «девятке» прокуратуры уже вдвоем.

– Новое дело, – проворчал Олег. – Теперь, если при ней документов нет, еще и опознанием личности придется заниматься… Может, любовница?..

– Это вряд ли, – возразил Савва, – при жене – королеве красоты?.. Да и поженились они, если память мне не изменяет, недавно…

– Года четыре как… – уточнил капитан и остановился воз-

ле прокурорской машины. – Ладно, пойду пока замеры-обмеры для тебя делать. Боря Погорелов, когда кончит протокол со свидетелями стряпать, присоединится… В конце концов, наше с тобой дело маленькое: вряд ли такую шишку, как Вадим Сурин, да еще жертву заказухи, за нами оставят. Вот увидишь, наверняка отправят в Генеральную… Там ему и самое место!

– Твоими бы устами – да мед пить, – вздохнул следователь. – Лично у меня в этой связи какое-то дурное предчувствие…

– Не дай бог! – отмахнулся капитан. – Не, не думаю… Ладно, давай работать, а то и до вечера с бумагами не расплюемся… А кстати, как тебе Женечка?

– Какая Женечка? – Савва не сразу понял, что прославившийся среди коллег своим неистребимым женолюбием капитан имеет в виду нового судмедэксперта. – А-а-а, снегурочка…

– Если бы! – искренне вздохнул Олег. – Она не снегурочка – настоящая снежная королева: на мужиков вообще не реагирует!..

– Сочувствую, – ухмыльнулся Алексеев.

На самом деле сочувствовал он на данный момент исключительно самому себе. Дело было не только в испорченной в очередной раз новогодней ночи и даже не в ожидающих его впереди упреках жены по этому поводу. А как раз в том самом дурном предчувствии, от которого отмахнулся капи-

тан. Савва Васильевич понимал, что, если прокурор области примет решение повесить на них это дело, вести следствие будет тот, кто и выезжал на место преступления.

В этой ситуации надо бы заранее подумать о возможном направлении следствия… Дело в том, что каким бы привлекательным и чуть ли не единственно возможным вариантом ни выглядело в этой связи заказное убийство банкира, за которым, по слухам, водились помимо всех прочих грешков и темные, чуть ли не околокриминальные делишки, наличие трупа священнослужителя, с точки зрения Саввы Васильевича, в эту версию укладывалось с трудом… Даже, можно сказать, вовсе не укладывалось.

Правда, не исключено, что он преувеличивает степень суеверности бандюков… Или просто поотстал от жизни и не засек момент, когда среди киллеров появились закоренелые циники-материалисты.

Алексеев вздохнул, открыл дверцу «девятки» и забрался на переднее сиденье, не потревожив при этом мирно спавшего за рулем Виталия Ивановича.

Следователю Савве Васильевичу Алексееву недавно исполнилось сорок лет, которые ему никто не давал, поскольку выглядел он и в самом деле отлично. Матушка-природа хорошо вылепила его – высокого, спортивно сложенного блондина с правильными чертами лица, темными проницательными глазами и в меру тяжелым подбородком, свидетельствующим о сильном, а возможно, и упрямом характере…

Чего ему недодала, правда, уже не природа, а судьба, – так это везения: при своем действительно высоком профессионализме, остром уме и весьма чуткой интуиции Савва Васильевич вполне мог бы к нынешнему сороковнику сделать куда более блестящую и успешную карьеру, чем ту, которая имелась у него в наличии.

Однако, будучи работником среднего звена облпрокуратуры, Савва Васильевич, прибывший в свое время для поступления в столичный вуз с обширных просторов Восточной Сибири, ни о каких особых карьерных взлетах не грезил, искренне полагая, что и без того жизнь у него, обычного деревенского паренька, сложилась вполне удачно. А то, что жена придерживается на сей счет иного мнения, Алексеева волновало не слишком сильно: если бы Людмила была права в своих претензиях, вряд ли бы их единственная дочь Верочка пошла по стопам отца, поступив год назад на юридический. Само по себе это обстоятельство являлось в глазах Саввы Васильевича свидетельством вполне удавшейся жизни и карьеры.

Кроме того, несмотря на неурочные выезды по праздничным дням, да и не по праздничным тоже, несмотря на ворчание Люськи и на свое собственное – как, например, сегодня, – работу свою следователь Алексеев любил. И никакой другой для себя лично не представлял.

Посидев с минуту в машине просто так, он наконец достал с заднего сиденья свой потрепанный кейс, положил на

колени и извлек из него пачку необходимых бланков, ручку и линейку. Но прежде чем приступить к заполнению бумаг, еще раз поглядел на суетившихся возле расстрелянных машин людей, на острые, черные верхушки деревьев вдали, проступившие на фоне едва заметно посветлевшего неба.

А совсем далеко – там, где лента шоссе пропадала из вида, между нею и темным небесным куполом, – уже протянулась тоненькая огненно-красная полоска-ниточка: первая ночь нового года подходила к концу. Занимался рассвет.

2

Давно известна всем нормальным людям нехорошая закономерность: неожиданный вызов к шефу в девяноста девяти случаях из ста ничего доброго не сулит. Особенно если позади у тебя долгая, бессонная ночь, а впереди – объяснения с изобиженной в очередной раз супругой. И вообще, на работу ты заехал вовсе не потому, что неисправимый трудоголик, а просто забросить в сейф бумаги. Кто ж мог предположить, что высокое начальство, общающееся к тому же с тобой не чаще раза в год, а во все остальные дни предпочитающее передавать свои распоряжения через более близких к телу подчиненных, окажется, во-первых, в своем кабинете – вместо того чтобы, как все нормальные люди, продолжить каникулы за праздничным столом, а во-вторых, возжелает немедленно узреть тебя лично?..

Весть о том, что «сам» неожиданно объявился на работе непосредственно в девять утра, каким-то волшебным образом в считаные минуты облетела всех, или почти всех, сотрудников областной прокуратуры, проживавших в разных концах столицы. А в итоге Савва Васильевич Алексеев, переступивший порог родного казенного дома в начале одиннадцатого, с изумлением обнаружил, что по коридорам как ни в чем не бывало снуют туда-сюда с деловым видом его дорогие коллеги, изо всех сил имитируя трудовой процесс:

словно и не было никакого Нового года и никаких рождественских каникул… Ну и ну!..

В его собственном кабинете, который Алексеев делил с Юрой Синицыным, занимавшим аналогичную его собственной должность, было, к счастью, пусто, – очевидно, весть о приступе трудового энтузиазма у шефа до Юрки не дошла. Зато стоило Савве устало брякнуться за свой стол, как длинной, похожей на междугородный вызов трелью заголосил внутренний телефон.

– Алексеев у аппарата! – растерянно произнес Савва Васильевич.

– Саввушка, срочно к шефу! – заполошным голосом проверещала молоденькая секретарша Ирочка, забыв не только поздравить следователя с Новым годом, но и вообще поздороваться.

– К к-какому шефу?.. – обалдело поинтересовался Алексеев.

– Ты что, с луны свалился?.. К Роману Игнатьевичу, конечно!

– Ни хрена себе… – пробормотал Савва Васильевич. Но из трубки уже неслись короткие гудки, Ирочка отключилась.

Посидев за столом еще с минуту, Савва Васильевич пожал плечами, запер сейф, в который так и не успел положить документы, и, справедливо предположив, что как раз из-за документов-то его и вызывает внезапно объявившийся на рабочем месте Кузнецов, собрал бумаги в более-менее акку-

ратную пачку и, поднявшись, двинулся на выход.

Прокурор области, Роман Игнатьевич Кузнецов в молодости наверняка принадлежал к категории красавцев-мужчин, легко и без особых усилий (а возможно, и без особого желания) покорявших дамские сердца. Впрочем, и сейчас, в свои «около пятидесяти», он выглядел, что называется, «вполне-вполне»: приятное, с благородными чертами лицо, подтянутая фигура и пока еще легкая седина на висках, которая шефу очень шла.

Роман Игнатьевич славился своей выдержанностью и прекрасными манерами, приобрести которые исключительно за счет воспитания невозможно: необходимо помимо них иметь за плечами еще как минимум два-три поколения предков-интеллигентов, желательно дворян. На подчиненных он никогда не повышал голоса, более того, чем сильнее нагрешил провинившийся, тем вежливее становился Кузнецов. Так что этой его вежливости прокурорские боялись куда больше припадочных воплей кузнецовского предшественника.

– Проходите, присаживайтесь. С Новым годом вас. – Роман Игнатьевич с порога одарил Алексеева сдержанной улыбкой, кивнув следователю на стул для посетителей.

– С Новым годом. Здравствуйте, – пробормотал смутившийся Савва и, аккуратно поддернув форменные брюки, присел, одновременно протягивая шефу бумаги.

Удовлетворенно кивнув, тот нажал клавишу селектора:

– Ирина Геннадиевна, будьте добры, если не трудно, чашечку кофе для Саввы Васильевича. – Он пододвинул к себе документы и доброжелательно посмотрел на Алексеева. – Представляю, как вы устали. Выпейте кофе, пока я буду знакомиться с протоколами!

– Спасибо… – Следователь понял, что помимо воли краснеет, хотя на самом деле никакой особой трепетностью перед любыми вышестоящими товарищами не грешил. По счастью, Ирочка с подносиком, на котором дымилась чашка с бодрящим напитком, объявилась почти мгновенно, и в следующие пятнадцать минут Кузнецов, погрузившийся в бумаги, целиком и полностью отключился ото всего остального.

Наконец кофе был выпит, а документы внимательно просмотрены. Савва успел успокоиться, взять себя в руки и, дождавшись, когда шеф отодвинет от себя результаты трудов опергруппы, вопросительно на него уставился. И Роман Игнатьевич не обманул ни ожиданий, ни дурных предчувствий Алексеева.

– Что ж, – он задумчиво посмотрел на подчиненного и ободряюще улыбнулся, – мы тут посоветовались и пришли к выводу, что естественнее всего будет оставить это дело у вас… Думаю, при условии контроля Генпрокуратуры.

Кто такие «мы», Кузнецов не уточнил, да и какое это имело значение? «Черт побери!» – подумал Савва Васильевич, но вслух сказал совсем другое:

– Понимаю… А то, что убитый прописан в Москве и яв-

ляется владельцем столичного, а отнюдь не подмосковного банка, разве… разве не помешает?.. Я был уверен, что расследованием займется МУР…

Конечно, шеф понял его отлично. Да и что тут было не понять-то? Это ж кем надо быть, чтобы по собственной воле, да еще радостно, принять на себя заведомый висяк?! Ну почти заведомый: заказные убийства среди прочих дел по раскрытию, как известно, стоят последними в списке, а длятся зачастую годами. Особенно когда речь идет о столь значимой фигуре, как Сурин. Однако ни доброжелательность, ни вежливость Роману Игнатьевичу и тут ни на секунду не изменили, он и бровью не повел и с самым искренним видом (комар носа не подточит!) «успокоил» подчиненного:

– Не беспокойтесь, Савва Васильевич, муровцы ничего не имеют против, даже в случае надобности готовы помочь. Я разговаривал с Владимиром Михайловичем Яковлевым… Тем более что преступление совершено на нашей территории. Да и загородный дом покойного Вадима Вячеславовича находится там же, за Купавной… Удачи вам!

«Еще бы они имели что-то против! – в сердцах думал Алексеев, покидая кабинет Кузнецова. – Я бы на их месте тоже не имел… Черт бы всех побрал!..»

– Помочь они готовы! – проговорил он уже вслух, оказавшись за собственным столом. – Помо-о-огут… А как же! Сейчас!..

Тут он вспомнил слова Романа Игнатьевича насчет воз-

можного контроля за этим делом Генпрокуратуры и расстроился окончательно: работников означенного органа Алексеев недолюбливал и заранее предполагал, что кроме идиотских проверок и перепроверок с не менее идиотским сованием носа куда не просят, от них ничего не дождешься. Зато времени на генералов угробится масса…

Издав напоследок тоскливый звук – что-то среднее между мычанием и стоном, – Савва Васильевич сердито стукнул кулаком по столу, посмотрел на подпрыгнувший от этого телефонный аппарат, вздохнул и снял трубку. Номер капитана Олега Александрова, не верившего в дурные предчувствия, Алексеев знал на память. И ничуть не сомневался, что тот в данный момент уже в курсе ситуации и тоже находится на своем рабочем месте.

Его уверенность обрела твердую почву после первого же гудка.

– Капитан Александров у телефона! – Голос Олега звучал вяло, словно его только что разбудили.

– Не прошло и полгода, как мы разлучились, – ядовито сообщил Савва, – но лично я уже соскучился. Ты в курсе?..

– А то! – буркнул Олег, после чего выдал некое непереводимое на романо-германские языки (впрочем, так же как и на все прочие) построение исконно-русского звучания, касающееся не только начальства, загубившего лучший в году праздник, но и родословных каждого из шефов в отдельности.

– Здорово! – с искренним восхищением отозвался Савва, после того как источник, которым пользовался капитан, иссяк. – Однако дела это, увы, не меняет… Когда стакнемся?..

– «Когда», «когда»?.. Я еще у новоиспеченной вдовы не был… Слава богу, местные успели подготовить почву, по телефону ей отзвонили!

– Откуда знаешь?

– Сам лично попросил этого лейтенантика, он мне только что доложился… Короче, давай ближе к вечеру, а? А то, если сейчас к этой королеве не двину, потом вони будет… Мол, менты поганые, ленивые, бездельники и вообще… Съезжу, пару часиков потом дома храпану и прибуду… Давай в шесть, а?

– Храпануть и правда не мешает… Слушай, а Бориску Погорелова тоже впрягли?

– А то!.. – Судя по всему, лексикон капитана особым разнообразием не отличался. Конечно, если речь не шла о фольклорных выражениях. – Вместе и прискачем, харэ?

– К вдовушке тоже вместе отправитесь?

– Наш новоиспеченный майор уже час как дома дрыхнет… Но к вечеру обещал быть, – обиженно пожаловался Олег. – А я, как всегда, крайний.

– Я, как видишь, тоже, – напомнил Савва. – Говорят, в компании веселее… Ладно, хватит трепаться, Олег, в восемнадцать ноль-ноль жду у себя.

Завершив разговор с Александровым, который слыл од-

ним из лучших оперативников угро, Савва Васильевич некоторое время разглядывал пачку документов, привезенных с места преступления: может, прихватить с собой, чтобы еще раз просмотреть дома до совещания и прикинуть заранее план расследования?.. Однако, представив себе Люсину физиономию, с какой она наверняка встретит своего беглого супруга, передумал и все-таки убрал бумаги в сейф.

«Собственно говоря, – подумал он, решительно поднимаясь из-за стола, – план следствия и так ясен: обычный, когда дело заказное, а значит, связываться с муровцами все-таки придется, причем ему лично». О возможных контактах с Генпрокуратурой, на которые намекал шеф, он в этот момент совершенно не думал.

Нельзя сказать, что капитану Александрову до нынешнего дня не доводилось бывать в пресловутых новорусских особняках: имелось на его счету несколько дел, связанных с этими нуворишами, которых он, мент с пятнадцатилетним стажем, всех подчистую считал бандюками. Однако даже на фоне личного оперативного опыта должен был признать, что загородная резиденция (а иначе и не назовешь!) покойного банкира впечатляла.

Это, чтоб в ближнем Подмосковье отхватить, во-первых, столь обширный кусок земельки с натуральным лесом, только возле особняка переходящим в ухоженный «аглицкий» сад, какие же деньжищи-то нужны?! Во-вторых – сам дом…

Не дом – белоснежная копия какого-то старинного дворца под синей датской черепицей, с беломраморными колоннами огромаднейшего крыльца, украшенного сверху портиком, возле которого и завершалась широченная подъездная дорога, идущая вначале лесом, потом садом. В мини-дворце имелись два крыла, сам он был трехэтажным, наверняка с парочкой запасных входов-выходов помимо парадного… Ничего, словом, удивительного не было в том, что на оставшемся далеко позади въезде Олега, прежде чем пропустить в святая святых, за высоченный кирпичный забор, мурыжили сразу двое хмурых охранников.

Зато одна из тяжелых створок парадного входа распахнулась сама, едва капитан, выбравшись из нелепо смотревшегося на этом фоне потрепанного «жигуленка», преодолел беломраморные ступени числом семь… Вопреки ожиданиям здесь его встретил не охранник, а обыкновенная пожилая женщина, тоже абсолютно не сочетавшаяся с окружающей обстановкой. На женщине было простое серое платье и белый фартук, напомнивший Олегу о далеких школьных годах.

– Проходите… – Она подняла на оперативника покрасневшие от слез, но в данный момент сухие глаза и отступила в сторону. – Здравствуйте… Лариса Сергеевна сейчас спустится…

– Здравствуйте… – Успевший переступить дворцовый порог Александров быстро огляделся.

Вопреки ожиданиям находился он не в холле, как это при-

нято у нынешних богатеев, а в широком, устланном пушистым синим ковром коридоре, поначалу длинном и прямом, затем раздваивающемся и уходившем, судя по всему, в оба крыла дома. Справа и слева, за полупрозрачными раздвижными дверями, угадывалось по меньшей мере два помещения. Гостиные?.. Прямо напротив входа, там, где коридор исчезал в глубине особняка, висела огромная, писанная маслом картина: женщина в богатом старинном кринолине и украшениях – лица отсюда было не рассмотреть, но на странном портрете явно преобладали синие и голубые тона…

– Направо, пожалуйста, – тихо прошелестела встретившая его то ли горничная, то ли еще какая обслуга, и Олег послушно толкнул правую дверь, мягко поехавшую от его усилия в сторону.

На этот раз он предположил верно: за раздвижными дверями находилась гостиная, со всеми привычными для новорусского интерьера атрибутами: ярко пылающим камином, мягкой, обтянутой белой кожей мебелью и длинным баром у одной из стен. Убранство комнаты дополняли затейливо украшенные голубоватым тюлем и темно-синими, в цвет ковра, тяжелыми шторами французские окна, выходившие в голый, припорошенный снегом сад, и две белые, с каким-то тоже синим орнаментом двери: одна – в углу сразу за баром, вторая – справа от камина.

– Присаживайтесь, – устало произнесла женщина, кивнув Олегу на стоявшую напротив камина прямо посреди гости-

ной кушетку. – У Ларисы Сергеевны врач, он сейчас уйдет, и она спустится…

– Врач? – Олег заинтересованно глянул на свою немногословную собеседницу. – А она в состоянии… э-э-э… пообщаться?..

– Да, ей уже лучше… Нам так неожиданно сообщили… Она уже спала…

– В новогоднюю ночь? – удивился капитан.

– Ну и что же? – Женщина подняла на него заплаканные глаза. – Сейчас пост, если вы не в курсе… Какие могут быть праздники до Рождества?..

– Так вы что же, – растерялся Александров, – по… по старому стилю живете?..

– Скорее, по церковному календарю! – сухо ответила она.

«Значит, и такой есть?» – подумал Олег, но задать в этой связи вопрос не успел. Не потому, что вдруг застеснялся своей необразованности: он никогда не стеснялся признаваться, если чего-то не знал. А потому, что как раз в этот момент распахнулась та дверь, что находилась справа от камина. За дверью, как выяснилось, была лестница, ведущая на второй этаж, а на небольшой нижней площадке этой лестницы стояла хозяйка дома, Лариса Сергеевна Дроздова-Сурина собственной персоной.

Неизвестно, было ли ее появление заранее тонко рассчитанным «спецэффектом», но если да, то желаемого она достигла: некоторое время Олег смотрел на хозяйку особняка

молча и, кажется, даже слегка приоткрыв рот… Дело в том, что Лариса Сурина была не просто красива. Она была красива столь яркой, необычной для среднерусских широт красотой, что внешность этой высокой, хрупкой, закутанной в нечто воздушное и темно-красное женщины казалась чуть ли не выдуманной…

Похоже, сама Лариса даже не заметила того впечатления, которое произвели на капитана ее синие, в тон отделке комнаты, огромные глаза, черные спутанные кудри, падавшие до самого пояса, нежные тонкие руки, которыми она придерживала у горла свою одежду, напоминавшую костюм какой-нибудь феи… Внешность Суриной не портила ни отчетливая бледность, проступавшая сквозь персикового оттенка кожу, ни слегка покрасневшие, тяжелые веки над густыми черными ресницами.

«И такая баба – этому пожилому бычаре?! – невольно ахнул мысленно Олег, наблюдая, как Лариса, легко и непринужденно двигаясь, направляется к одному из кресел. – Да еще и явно его оплакивала, если дело дошло до врача… Неужели правда любит?.. Ну и ну!..»

– Простите, что заставила вас ждать, – негромко произнесла в этот момент Сурина голосом, лишенным всяких интонаций, опускаясь в кресло, которое тут же словно само плавно развернулось в сторону Александрова. – Здравствуйте…

– Здравствуйте… – Олег неловко вскочил, проклиная се-

бя за неотесанность, отчего к нему наконец вернулся дар речи. – Это вы меня извините, что в такой момент… Капитан милиции Александров, Олег Васильевич!..

Женщина молча кивнула и подняла на него свои невероятные глаза, в которых отчетливо стояли слезы.

– Я вам больше пока не нужна? – неожиданно сухо поинтересовалась встретившая Олега служанка, про которую он начисто забыл – и поэтому даже слегка вздрогнул: та до сих пор молча стояла у слегка раздвинутых дверей, очевидно, в ожидании распоряжений хозяйки, которых так и не дождалась.

– Нет, Нина, не нужна. – Слегка покачав головой, Лариса с усилием, жалко улыбнулась. – Спасибо тебе… Иди отдыхай…

И, дождавшись, когда служанка бесшумно исчезнет где-то в глубинах дома, вдруг добавила с жалобными, растрогавшими капитана интонациями:

– Нина – моя старая няня, возилась со мной с пеленок… Не знаю, что бы я без нее делала… А извиняетесь вы, Олег Васильевич, зря: я же понимаю, у вас работа такая…

Тронутый тем, что красавица с первого раза запомнила его имя-отчество, Александров счел необходимым поинтересоваться еще раз:

– Лариса Сергеевна, а вы уверены, что в состоянии сейчас отвечать на мои вопросы? Поверьте, я вам глубоко соболезную…

Женщина глубоко вздохнула и вновь слабо улыбнулась:

– Спасибо… Да, я в состоянии, мне только что сделали укол – хороший… Что будет потом – не знаю… Вадим был мне дорог… Очень дорог!..

На последних словах голос Ларисы заметно дрогнул, и Олег поспешно полез в свою потрепанную папку за бланками протоколов, давая жене банкира, только что ставшей вдовой, возможность взять себя в руки.

– Лариса Сергеевна, – начал он мягко и осторожно, – вы случайно не в курсе, куда именно направлялся ваш супруг в столь поздний час, да еще в самый Новый год?..

– В самый Новый год?.. – Между тоненьких бровей женщины возникла и тут же пропала легкая складочка. – Нет, Новый год мы встретили, даже шампанского немного выпили под куранты, как все люди… Отец Николай сказал, что немного можно… А уехали они уже после полуночи, минут, наверное, через двадцать.

– И куда же?

– В Старый Оскол, в монастырь, – спокойно и просто ответила Лариса, словно это было совершенно обычным делом для ее мужа – взять да и отправиться в новогоднюю ночь к черту на кулички… Надо же, Старый Оскол! Если память ему не изменяет, это же где-то на Украине!

Видимо, изумление, вызванное словами Суриной, проступило у капитана на физиономии, потому что Лариса, не дожидаясь вопроса, пояснила:

– Ну да, в монастырь… Вадим пожертвовал на его восстановление крупную сумму… А в Старом Осколе он родился, хотя совершенно его не помнит. Но все-таки родина, правда?.. Вадик вообще верующий человек, он на храмы часто жертвовал – и на московские, и даже в Сибири.

– Понятно… – осторожно прервал ее Александров. – Не скажете, в каком составе он… они выехали?

Ему показалось, что по губам Ларисы скользнула едва заметная улыбка, но, вероятно, просто показалось, поскольку ответила она вполне серьезно:

– Охрана, конечно, удвоенная – дорога-то дальняя предстояла… Вадик, отец Николай и Вера, моя подруга… Не удивляйтесь, Вера в последние месяцы тоже сделалась религиозной. Ничего удивительного, ей есть о чем исповедоваться, – вздохнула она, явно сочувствуя подруге. – А там в монастыре специальная икона для тех… для тех…

Лариса неожиданно бросила на Олега смущенный взгляд, а затем выпалила на одном дыхании:

– Для тех, кто делал аборты!.. Это, сказал отец Николай, смертный грех…

– А вы… не поехали? – поинтересовался Олег и тут же понял, насколько двусмысленно прозвучал его вопрос после слов Суриной и поспешно задал следующий: – Да, как полное имя вашей подруги?

– Вера Дмитриевна Беляева… Возможно, вы видели ее по телевизору…

«Неужели тоже какая-нибудь королева красоты?» – подумал Олег и не ошибся.

– Она несколько лет назад победила в региональном конкурсе красоты и стала Мисс Кубань… Мы с ней и подружились, как раз когда победительниц по регионам собрали в Москве для следующего тура…

– Вы, значит, тоже от какого-то региона выступали?

– Конечно… Другого пути, чтобы добраться до всероссийского, просто нет… Я представляла сразу Урал и Сибирь… – И, поколебавшись, добавила: – Вадик был в жюри…

На этом месте глаза Ларисы уже отчетливо наполнились слезами. Она совершенно по-детски хлопнула ресницами, и одна слезинка медленно покатилась по щеке, оставляя влажную дорожку.

Олег хотел в очередной раз извиниться за то, что доставляет женщине хлопоты в такой тяжелый момент, но тут подал голос его мобильный. Точнее, голос принадлежал Борьке Погорелову:

– Слышь, Олежка, ты где?.. Впрочем, неважно, собирайся и дуй на семидесятый кэмэ по Горьковскому… Нашли эту треклятую «Ауди-8», из которой банкира положили…

– Что, так просто и брошена? – поинтересовался Александров.

– Не просто: сожгли, но не дотла, там же обгорелые остатки «калаша» и пистоли… Словом, давай! Ежели к Алексееву

опоздаешь, я ему скажу, подождем по-любому…

3

Первый помощник генерального прокурора России Александр Борисович Турецкий имел все основания считать, что нынешняя встреча Нового года удалась как никогда. Во-первых, за праздничным столом в их с Ириной Генриховной квартире собралась самая приятная из всех возможных компания: его старый друг, он же заместитель генерального, Костя Меркулов с женой, еще один дружище, замдиректора Департамента уголовного розыска МВД, убежденный и, увы, безнадежный холостяк Славка Грязнов и милейший Яковлев-старший с супругой, ставший относительно недавно главой МУРа. «Старшим» Владимира Михайловича называли потому, что младший, капитан милиции Володя Яковлев, тоже имелся: его собственный сын, трудившийся в качестве опера (причем несомненно лучшего) под началом Грязнова. Словом, компашка что надо!

Во-вторых, у Саши Турецкого, большого и тонкого ценителя женской красоты, в очередной раз образовался повод гордиться собственной женушкой: постороннему человеку никогда в жизни и в голову бы не пришло, что Ирина – почти ровесница супруги Кости Меркулова… Скорее она смотрелась старшей сестрой собственной дочери Нины-Ники: грациозная, с небрежно заколотыми каштановыми локонами и сияющими глазами… И кто это сказал, что все преподава-

тели музыки и пианистки непременно становятся к сорока с хвостиком толстыми?!.. Только не Ирина Генриховна, которая как раз и блестяще владела инструментом, и преподавала в Гнесинке фортепиано.

Было и в-третьих. Новогодняя ночь выдалась ну просто на удивление спокойной в том смысле, что никого из собравшихся за праздничным столом ни разу не потревожили в связи с их службой, которая, как известно, действительно трудна… Словом, завершив празднество где-то около трех утра, гости дружно разбрелись по организованным Ириной спальным местам в самом радужном настроении.

Неизвестно, что именно снилось остальным участникам застолья, но Александр Борисович наслаждался самыми что ни на есть радужными снами в тот момент, когда сквозь сладкую дрему все-таки пробился настойчивый телефонный звонок.

«Ни за что…» – пробормотал Турецкий, переворачиваясь на правый бок и потеснее прижимаясь к крепко спящей Ирине. И, словно подчинившись его горячему желанию, телефон умолк, однако тут же сменился рокочущим басом Славки Грязнова.

Саша издал что-то вроде недовольного мычания, но Грязнов, ночевавший рядом с хозяевами, в их спальне на узком и не слишком удобном диване, продолжал басить. В результате чего приятный разноцветный сон окончательно испарился из сознания Сан Борисыча – и он поневоле вслушался в

слова друга.

– …Да неужто пятеро? – Славка умолк, но совсем ненадолго. – Вот черт, а мы его планировали допросить сразу после праздников… Ну да… Нет уж, дорогой, пока не надо… А кто там у тебя выезжал на трупы?.. А-а-а… Вот пусть и занимаются, если надо – подмогнем.

Грязнов снова замолчал, а Турецкий окончательно проснулся, открыл глаза и покосился на круглые настенные часы, висевшие напротив супружеской кровати: семь тридцать… Свинство какое! Он с некоторым усилием перевел взгляд в сторону дивана, на котором, сидя посреди смятой постели, взъерошенный со сна Грязнов басил с кем-то по телефону.

– Говорю тебе, – продолжил Слава, – у нас дело заведено не в связи с ним, а по январевской ОПГ… Все правильно, сам Январев успел смыться, пока бесследно… Нет, Сурин был нам нужен пока что исключительно как свидетель… Вот если что-то всплывет в связи с Январевым – тогда да… Ладно, пускай этот твой следак свяжется с нашим Юрой Крамеровым, дело у него… Ладно, с Саней насчет контроля сам поговорю… Давай, пока!..

Вячеслав Иванович положил трубку на место, вздохнул, рассеянно поскреб затылок и, машинально глянув на супружескую кровать хозяев дома, наткнулся на абсолютно бодрый и к тому же сердитый взгляд Турецкого.

– Что, начался годик-то? – прошипел Александр Борисо-

вич, выскальзывая из-под одеяла как можно аккуратнее, чтобы не разбудить Ирину. – Если и да, мог бы не трубить во всю глотку – люди, между прочим, спят!

– Да ладно тебе, – смущенно перешел на шепот Грязнов, – можно подумать, я нарочно… Слышно было плохо. И не смотри на меня как солдат на вошь: словно это я специально затеял – украсить новогоднюю ночь пятью трупешниками…

– Пошли. – Турецкий уже успел натянуть брюки и, обреченно кивнув другу, поплелся прочь из спальни в сторону кухни.

В квартире царила сонная тишина, похоже, никого, кроме хозяина, ранний звонок, слава богу, не разбудил. Прилежные жены накануне успели перемыть и прибрать грязную посуду, поэтому единственное, что оставалось сделать Сан Борисычу, включить кофеварку и поставить на чистый стол чашки и сахарницу.

– Тебе с молоком? – все еще сердито буркнул он.

– Боже упаси! – поморщился Грязнов. – Я бы вообще лучше томатного сочку хряпнул…

– Обойдешься, поскольку томатный в этом доме не прижился: у Нинки на него аллергия… Говорил тебе, чтобы не смешивал шампанское с водярой?.. Я вот коньячком дополнил – и ничего, как видишь… Ладно, какой бес там нас поднял? И по какому поводу? Я не ослышался насчет пяти покойничков?

– Не ослышался, – вздохнул Вячеслав Иванович. – А зво-

нил не бес, а Рома Кузнецов… Замочили небезызвестного тебе господина – Сурина Вадима Вячеславовича…

Потянувшийся было к кофеварке Турецкий на мгновение замер с вытянутой в сторону агрегата рукой и уставился на своего друга:

– Это… «Континент-трасс» который?.. Круто!.. А где, что и когда?

– На Горьковской трассе, вскоре после полуночи… Куда он направлялся сразу на двух машинах, пока неизвестно, но обе машины, по словам Романа, расстреляны умело и профессионально и уж никак не случайно…

– Н-да-а… – Турецкий разлил кофе по чашкам и покачал головой. – Остальные трупешники, надо полагать, охрана?

– В том-то и дело, что нет… – Вячеслав Иванович брезгливо отхлебнул ароматнейшего, с точки зрения Турецкого, напитка и покачал головой. – Среди жертв два водителя, дама и… священник в полном облачении!

– К-кто?.. – Саша уставился на друга с откровенным недоверием. – Это что, шутка?

– Вряд ли бы Кузнецов решился так шутить в первый день нового года, да еще в семь утра!.. Собственно, поэтому и звонил – надеялся спихнуть дельце нам. Потом насчет МУРа заикнулся… Но я, как видишь, отбился! И за себя, и за Володьку!

Последнюю фразу Грязнов произнес с оттенком гордости.

– Пока отбился, – покачал головой Александр Борисо-

вич. – Думаешь, я не слышал насчет январевской ОПГ?.. Да и насчет контроля Генпрокуратуры, думаю, тоже не слуховая галлюцинация у меня случилась!..

Вячеслав Иванович слегка покраснел и отвел глаза:

– Ну… Это я так, на всякий случай сказал, для убедительности… Все-таки пять трупов, да еще с Суриным во главе!

– Какие пять трупов?

Друзья вздрогнули и повернулись на звук до боли знакомого, начальственного на данный момент баритона: в кухонных дверях стоял Константин Дмитриевич Меркулов – полностью одетый и со столь собранным выражением на свежей на зависть физиономии, словно не он улегся спать каких-нибудь четыре часа назад.

– Присоединяйся! – вздохнул Турецкий, кивнув на кофеварку. – Небось головка-то тоже бо-бо?

– И не надейся, – ухмыльнулся тот, но от кофе не отказался. Только добавил назидательно: – Меньше надо пить!.. Так что, я правильно понял насчет Сурина?

Внимательно выслушав Славу Грязнова, во второй раз повторившего свой рассказ, Меркулов кивнул и насмешливо глянул на Турецкого:

– У тебя когда дежурство очередное?

– «Когда», «когда»… Послезавтра, вот когда, – неохотно буркнул тот.

– Ну, думаю, до тех пор с Романом мы успеем связаться, и не раз. И не смотри на меня, Саня, волком: я же не сказал,

что мы забираем дело себе, верно? А вот насчет контроля за ним – никаких сомнений. Кстати, и с январевским дельцем, которое вы, Слава, уже с полгода жуете, тоже бы не мешало разобраться, коли уж Сурин у вас там свидетелем проходит. Как, важным или не очень?

– Более чем, – кивнул Вячеслав Иванович. – Свидетелем – это пока. Судя по всему, впереди ему светило нечто более серьезное, категория подозреваемого… И ничего мы не «жуем», как ты выразился!

Грязнов наконец решил обидеться.

– Надо же, «жуем!» Ты сам что, не в курсе, насколько в принципе все эти экономические расследования кропотливые? К тому же на причастность к январевским отморозкам «Континент-трасса» мы только-только напоролись, так что…

– Ну и ладно, чего ты злишься? – усмехнулся Меркулов. – Могу еще Саню понять, чего ради хмурится: у него и без того сейчас дел невпроворот…

– А у нас что, заняться, по-твоему, нечем?! – окончательно вспылил Слава. – Да если собрать воедино все трупешники, которые на нас сейчас висят, смело можно открывать еще один, самый крупный в Москве морг!..

Александр Борисович не выдержал и улыбнулся. А со стороны двери вновь раздался совершенно неожиданно для всех троих голос, заставивший мужчин вздрогнуть – несмотря на то что голос был нежный, можно сказать музыкальный:

– Господи, ребята, вы что, опять о трупах? Неужели нельзя хотя бы в Новый год поговорить о чем-нибудь более приятном?!

Ирина Генриховна, успевшая умыться, подкраситься и накинуть очаровательно воздушный халатик, с упреком обвела взглядом лица участников кофейного застолья.

Мужчины невольно переглянулись с таким выражением на лицах, словно хозяйка дома и впрямь застукала их за каким-то малоприличным занятием. И… промолчали: по вопросу о том, есть ли смысл перечить женщинам в принципе и женам в частности, они обладали редким единодушием.

Из всех собравшихся в кабинете следователя облпрокуратуры Саввы Алексеева самым свежим выглядел, несомненно, Боря Погорелов. Вот и решай после этого, что лучше – быть солидным и вполне женатым мужчиной или до тридцати пяти лет спокойненько жить вместе с заботливой мамочкой!

Савва Васильевич покосился на вымороченную физиономию Олега Александрова, чья супруга славилась даже среди ментовских жен на редкость вздорным характером, и подумал, что сам он выглядит наверняка немногим лучше… Пора было переходить к делу.

– Ну-с, команда, – произнес Алексеев фальшиво-бодрым голосом, – с Новым годом вас, как говорится, успехов вам в вашем нелегком, но благородном деле!

– Харэ издеваться-то, а? – тоскливо огрызнулся Олег и бросил на следователя сердитый взгляд. – Давай к делу, что ли, чем заранее желать в нем успеха… Который к тому же вряд ли светит… твою мать!

Погорелов только усмехнулся и слегка пожал плечами.

– А вы, товарищ капитан, – сурово сдвинул брови Савва, – харэ матюгатъся, и без вас тошно… Ладно, поехали. Вот с вас и начнем: что там с визитом к вдовушке?

Физиономия Александрова моментально переменилась, словно где-то внутри оперативника нажали специальную кнопку.

– Ух, мужики! – Он восхищенно щелкнул пальцами. – В жизни не видел таких красоток, разве что в каком-нибудь гламурном журнальчике!

Олег поглядел на следователя и, обнаружив моментально вспыхнувшую в глазах Алексеева настороженность, поспешно затараторил:

– И думать не моги, Савва Васильевич! Я в том смысле, если у тебя в этой связи какие-нибудь не те мыслишки мельтешнули: Лариса Сергеевна к этой истории никакого отношения не имеет!

– Потому что, как ты выразился, красотка?

– Еще чего! От нее, к твоему сведению, когда я приехал туда, как раз доктор уходил, укол ей сделал… Да и надо было видеть, в каком состоянии она со мной разговаривала: бледная, на глазах слезы… Несмотря на укол! Такое, знаешь ли,

и захочешь – нарочно не изобразишь… Везет же некоторым пожилым козлам на таких женщин, да чтоб еще и любили их, а не кошельки…

– Ага! – согласно кивнул Савва. – Особенно ему повезло нынешней ночью, если ты заметил… Ладно, давай действительно по сути!

– А по сути, как сообщила мне Лариса Сергеевна, в машине вместе с банкиром находилась ее подруга Вера Дмитриевна Беляева и настоятель монастыря из Старого Оскола отец Николай Егорцев…

Алексеев согласно кивнул:

– То, что они направлялись в Старый Оскол, я уже знаю: полчаса назад звонили из больницы, один из охранников, Анисимов, ненадолго пришел в себя, сообщил, куда ехали… К твоему сведению, второго охранника, Сторожева, до больницы не довезли… Так что трупов у нас по этому делу, ребятушки, уже не пять, а шесть. С чем я нас и поздравляю!

– А ты чего молчишь? – Капитан неодобрительно покосился на явно отоспавшегося Погорелова, но тот только невозмутимо повел плечом:

– Ну а откуда, по-твоему, известно насчет показаний Анисимова и смерти Сторожева? В больницу ездил я. Когда Анисимов временно очухался, сестричка меня и разбудила… Какие претензии?

– Тихо-тихо! – Следователь слегка постучал кончиком карандаша по столу. – Давайте-ка не будем считаться, кто,

сколько и почем… Я бы сказал – все получили поровну, так что перейдем к плану следственных мероприятий, обсудим и – разбежимся: отоспаться-то и правда надо!..

Возражений не последовало, и Савва Васильевич продолжил:

– Значит, как я понял, вы вполне согласны со мной, что основная версия – заказное убийство, связанное с рабочими делами банкира… Могу добавить к этому, что, как сообщил лично мне Кузнецов, убиенный господин Сурин проходил в качестве весьма важного свидетеля по делу, которым уже давненько занимаются не где-нибудь, а непосредственно в Департаменте уголовного розыска МВД… Это по ОПГ Январева…

Майор Погорелов присвистнул:

– Во как!.. Ну тогда можно не сомневаться – точно заказняк. Во подсуропило!.. Насколько знаю, Маратик-то сам в бегах, его во время взятия банды муровские опера упустили.

– Не только его, – вступил наслышанный не менее Бориса об этом деле Олег. – По-моему, если не ошибаюсь, в Бутырках сейчас отдыхают всего-то человек пять от силы…

Впрочем, оказаться не наслышанным об упомянутом деле, так же как и самой группировке Марата Январева, было трудно. Особенно работая в органах.

Сам факт, что после многолетних кропотливых трудов под Марата Константиновича Январева и его преступную группировку все-таки удалось подкопаться, уже вызывал

уважение к тем, кто это сделал… Всплывший еще в начале буйных девяностых, успевший к тому моменту прослыть абсолютно безжалостным ко всем возникавшим на его пути бандитом, на сегодняшний день Январев занимал, мягко говоря, немаленькую должность – генерального директора крупного уральского завода… В этой связи был вхож в самые высокие кабинеты, ходили слухи – вплоть до администрации президента…

Став владельцем столь крупного официального бизнеса, Марат, однако, в отличие от подавляющего большинства своих сотоварищей, доживших до аналогичных успехов, и не подумал расстаться ни со своим статусом вора в законе, ни с прежними привычками: его ОПГ, как и в давние девяностые, продолжала терроризировать облюбованный ею регион – между Волгой и Уралом… На совести Январева помимо кровавых жертв имелись и похищения людей – в их числе прогремевшее на всю Россию похищение главы камского автомобильного гиганта Виктора Крылова, за которого был в итоге заплачен почти немыслимый выкуп десять миллионов долларов…

– Если не ошибаюсь, – проявил осведомленность Савва Васильевич, – погорели январевцы на Крылове… Кажется, нашим удалось отследить путь уплаченных за него миллиончиков.

– Разве что так, – кивнул Борис, – поскольку сам Крылов на все вопросы сыщиков после своего возвращения из пле-

на отвечал плотно замкнутыми губенками… Впрочем, я его не виню, кто знает, чего он успел насмотреться за неделю у бандюков?..

– Значит, получается, и наш Сурин к этому, что ли, причастен?.. – неожиданно поинтересовался Олег. – А иначе с чего бы проходил по ихнему делу свидетелем, да еще важным?..

– Вот ты это и будешь выяснять в ближайшие дни, коли такой догадливый, – усмехнулся Алексеев. – Свяжешься с МУРом и с МВД, телефончиками, не имеющимися в служебном справочнике, я тебя снабжу… чуть попозже. Вначале сам звякну кое-куда, а ты пока пробивайся к коллегам обычным путем.

– Ну и к кому это я там пробьюсь, если все вокруг на каникулах? – скис капитан. – Сейчас же вся страна, кроме нас, до старого Нового года гудеть будет…

– Не преувеличивай! – сердито посмотрел на него Савва Васильевич. – Везде дежурства, да и выезды никто не отменял, не мы одни тут такие сиротки… Поговоришь пока с кем получится, дальше видно будет. Это раз. Во-вторых, несмотря на то что этим и без нас заняты, повороши… оба поворошите свою агентуру. На предмет того, где мог залечь Январев. Вдруг да нам больше повезет, чем московским коллегам?.. Кстати, в столице у него сестра имеется, учти.

– Хорошо бы и правда повезло, – мечтательно выдохнул Погорелов.

– Вот и постарайся, Боря, – кивнул следователь. – Кроме того, не упускай из вида оставшегося в живых охранника – как только появится возможность, опросишь его.

– Если появится!

– А врачи что говорят?

– А врачи, как всегда, успешно уклоняются от ответов на подобные вопросы.

– Тем не менее за тобой ежедневный контроль больницы и связь с лечащим врачом в любое время суток. Далее… Кто из вас сечет в финансово-экономической сфере?

– А это еще зачем? – удивился Олег.

– Как – зачем? Ты что же, полагаешь, что после убийства владельца сотрудники «Континент-трасса» продолжат празднование? Скорее всего, завтра же все будут на рабочих местах, соответственно необходимо побеседовать с ними, опросить кого только возможно… Ты другого мнения?

– Я того же мнения, но при чем тут экономика, все равно не понимаю.

– Вот чудак, – вздохнул следователь. – Вовсе не при том, о чем ты подумал: мы с вами занимаемся не экономическим преступлением, а убийством. Однако, если ты, разговаривая с банковскими спецами проявишь полную тупость в их сфере, вряд ли они тебя зауважают! А не зауважают, – значит, и откровений никаких от них не жди с гарантией.

– Почему это я вдруг тупость проявлю?! – Олег не на шутку обиделся. – К твоему сведению, как раз в этих самых бан-

ковских делишках я и во сне не оплошаю: во-первых, у меня жена экономист, во-вторых, на заре туманной юности я поступал в планово-экономический техникум и даже немного там поучился… пока от скуки не сдох!

– Ну, значит, тебе и карты в руки! – с трудом сдержал улыбку Савва. – Вот завтра с утречка и дуй в «Континент-трасс». И не забудь заранее у супруги проконсультироваться: сам-то небось еще советскую плановую экономику изучал? А теперь, брат, все ихние понятия и термины сугубо капиталистические!

– Нет, он меня учить будет, будто я сам не знаю! Да моя Галина меня, можно сказать, что ни вечер, этими буржуйскими терминами достает, поскольку для нее нет больше кайфа, чем про свою работу рассказывать!

– Ну и лады, чего ты вдруг раскипятился? – Следователь бросил на капитана сочувственный взгляд, представив «веселье», царящее за его семейными ужинами, и едва удержался, чтобы не погрозить пальцем откровенно ухмыляющемуся Погорелову.

– От тебя, Борис, – с нарочитой суровостью произнес он, – жду докладов ежедневно, особенно в связи с охранником. Мой мобильный ты знаешь! Ну а ты, Олег, завтра, а возможно, и послезавтра, наверняка большую часть времени проведешь в банке. С коллегами из вышестоящих органов связаться и по телефону можно, а встретиться… пока не ясно, сумеешь ли с кем надо. С агентурой своей разберешься сам,

но главное сейчас – банк. Так что в твоем распоряжении по части результатов два дня… Конечно, если раньше что-нибудь не нароешь. Кстати, ты насчет вдовы так и не договорил, извини…

– Да и договаривать-то особо нечего, поскольку ответ на главный вопрос она толком не знает… Я имею в виду, насчет того, кто был в курсе поездки ее супруга в Старый Оскол.

– Что, так-таки и понятия не имеет?

– Ну не совсем, – пожал плечами капитан, – хотя вроде того… Домашние, говорит, все знали, включая обслугу и охрану, которые получили на несколько дней выходные. Не все, конечно, но многие, поскольку хозяину были на тот момент не нужны: те, что нужны, с ним поехали. Сама Лариса Сергеевна обсуждала время отъезда только с погибшей подругой, больше ни с кем, даже с няней своей не говорила.

– С какой еще няней? – выкатил глаза Савва Васильевич. – У них разве есть дети?

– Господи, нет, конечно! Няня – ее собственная, обыкновенная тетка пожилая, которая около нее с детства и, видимо, с ней вместе и замуж вышла… Тьфу!.. Что я несу? Я имел в виду, живет с ними в качестве обслуги какой-то.

– Ясно, – задумчиво протянул Алексеев и подумал, что, пожалуй, и впрямь пора закругляться, поскольку отличный опер капитан Александров начал заговариваться. Наверняка от усталости и недосыпа!

4

Банк «Континент-трасс» располагался в самом центре Москвы, рядом с Арбатом. Переулок, облюбованный его владельцем, был на редкость тихим, несмотря на то что с одной стороны, в нескольких десятках метров от него, проходил один из самых оживленных проспектов столицы, а с другой – никогда не умолкающее Бульварное кольцо.

Как и предполагал Олег, шикарные зеркальные двери банка, срезавшие собой угол нарядного здания старой застройки, украшала табличка «Закрыто». Капитана это, однако, не смутило, и он до тех пор давил на кнопку домофона, пока не расслышал по ту сторону палевого цвета зеркального стекла тяжелые шаги. Вскоре увесистая дверь слегка приоткрылась – и в образовавшейся щели показалось разъяренное лицо здоровенного охранника:

– Читать умеешь?!

– А как же! – добродушно отозвался Александров. – Надеюсь, ты тоже.

И он ткнул в нос громиле свое раскрытое удостоверение, а чтоб сомнений у того не осталось, добавил:

– Уголовный розыск.

Охранник на мгновение смешался, но тут же послушно отступил в сторону, пропуская капитана в небольшой прямоугольный холл, устланный ворсистым ковровым покрыти-

ем, начинавшимся прямо от порога, уставленный кадками с какими-то раскидистыми растениями и диванчиками в цвет ковра. Отделан холл был золотистым металлом, полосы которого обрамляли низкие стеклянные столики перед диванами, стойку из темного дерева с традиционными окошечками и даже перила лестницы, уходившей наверх. Слева от нее находилось сразу два лифта.

«Однако!..» – подумал Олег, быстро оглядывая богато отделанное помещение. Но вида, что холл банка произвел на него впечатление, не подал.

– Кто из начальства на месте? – холодно поинтересовался он у молчаливого стража.

– Все, – боязливо ответил тот. – Илья Семенович Голдин и Евгений Борисович Чайкин… Но Илья Семенович сейчас занят – с этими, из Центробанка…

Олег насторожился:

– Из Центробанка?.. И что же у вас в такой день они делают?

– Я ничего не знаю!.. – поспешно сообщил охранник. – Вы… можете подождать, пока я с Евгением Борисовичем свяжусь? Я быстро!..

И, не дожидаясь, когда Олег ответит, метнулся в сторону входной двери, рядом с которой незаметно притулился темный полированный столик сразу с тремя телефонными аппаратами, на который капитан поначалу не обратил внимания.

Разговор по одному из аппаратов занял у громилы не

больше минуты. Возвратившись к стоявшему посреди холла Олегу, он с видимым облегчением кивнул в сторону лифтов:

– Пожалуйста… Евгений Борисович на месте, третий этаж, кабинет тридцать восемь, направо по коридору…

Неизвестно, что именно ожидал увидеть Олег на третьем этаже, где располагалось руководство банка, однако, выйдя из лифта, он не обнаружил и следа той роскоши, которая встречала посетителей в холле и явно была рассчитана на то, чтобы пускать пыль в глаза клиентам. Перед ним простирался обыкновенный длинный коридор со стенами, выкрашенными бежевой краской и паркетным полом. На двери тридцать восьмой комнаты висела двойная табличка, оповещавшая о том, что за ней находятся рабочие места обоих заместителей убитого банкира. Ожидавший капитана господин Чайкин заявлялся на ней как зам председателя правления по общественным связям.

За дверью обнаружилась тоже самая обычная, хотя и чистенькая, приемная со столом секретарши и самой секретаршей – худенькой, рыженькой и заплаканной девушкой. То бишь никаких модельных девиц с ногами, растущими от коренных зубов, и телячьими мозгами – вновь, вопреки Олеговым ожиданиям, не было.

С двух сторон от стола секретарши имелись две двери, обитые кожей и тоже украшенные табличками: у каждого зама все-таки был свой отдельный кабинет.

– Проходите, Евгений Борисович ждет вас… – прошеле-

стела рыженькая, едва глянув на удостоверение капитана, и тут же вернулась к прерванному занятию – если можно назвать занятием бессмысленное разглядывание темного экрана стоявшего перед ней монитора.

Оперативник молча кивнул и открыл правую дверь, свидетельствующую, что именно там базируется заместитель покойного Сурина по общественным связям. За ней он обнаружил маленький тамбур, еще одну дверь и, слегка постучав по ней согнутым пальцем, вошел наконец в кабинет Чайкина.

Молодой человек (явно до тридцати), поднявшийся навстречу Олегу из-за темного полированного письменного стола, поверхность которого была почти полностью скрыта под многочисленными папками и пачками бумаг, являл собой, во всяком случае с точки зрения Александрова, типичный образчик современного банковского чиновника. Черноволосый и темноглазый, с правильными чертами лица, одетый в чистейшую до хруста белоснежную рубашку и до отвращения дорогой костюм черного цвета, не иначе как от Валентино… Почему именно от Валентино, оперативник объяснить не смог бы, возможно, потому, что именно это словосочетание крутилось у него в голове как наиболее тесно связанное с богатыми тряпками…

Невольно сравнив свою видавшую виды куртку и потертые джинсы с прикидом этого прилизанного красавчика, Олег на мгновение ощутил к Чайкину острую неприязнь:

наверняка тот, с первого взгляда оценив Александрова по одежке, попытается разговаривать с ним свысока… Все они, эти нынешние сопливые выскочки, такие!.. Но и на этот раз Олег Васильевич ошибся: судя по всему, «выскочке» было решительно не до того, чтобы вычислять стоимость одежды капитана. На его лице при виде оперативника проступило какое-то совершенно жалкое выражение, и голос, каким он пригласил его садиться, не содержал в себе и намека на высокомерие.

– Вы уже, разумеется, в курсе того, что произошло? – поинтересовался Олег после того, как поздоровался и представился.

– Да, конечно. – Чайкин поморщился, словно от зубной боли, и торопливо пояснил: – От Ларисы Сергеевны позвонили сразу же…

– Тогда давайте не будем терять времени на то, чтобы обдумать случившееся, у вас его было, на мой взгляд, достаточно… – Александров уже извлек бланки протокола дознания и вытащил ручку. – Я имею в виду, наверняка у вас появились какие-то соображения относительно причин, по которым убили Сурина?.. Но вначале давайте покончим с формальной частью: имя-отчество-фамилия, адрес, номер и серия паспорта…

Сноровисто заполнив шапку протокола, капитан вопросительно поднял взгляд на горестную физиономию Чайкина:

– Я слушаю вас…

Евгений Борисович расстроенно качнул головой:

– Конечно, я думал над этим… этим вопросом, и единственное, что понял, – для каких-либо предположений у меня просто-напросто не хватает информации, потому и не приходит в голову ничего, кроме… Возможно, то, что произошло, как-то связано с этим неожиданным для всех нас банкротством?..

– Банкротством?! – От изумления Олег замер, уставившись на своего собеседника. Так вот что делают здесь представители Центробанка!..

– А вы не знали? – Евгений Борисович вздохнул. – Ну да, откуда?.. Вы же из уголовного розыска, в связи с убийством… Но и для нас – я имею в виду большинство сотрудников банка – это было как снег на голову…

– Для вас лично – тоже? – Оперативник успел переварить услышанное. – Странно, вы же заместитель Сурина! Неужели не видели, к чему идет дело?

– Я заместитель по общественным связям, – мягко пояснил Чайкин. – Фактически пресс-секретарь… К тому же проработал здесь всего около двух лет… В мои обязанности входит, если так можно выразиться, литературная обработка текстов докладов, вообще любых текстов, а в основном, конечно, реклама, презентации и все в таком роде… Еще я исполнял обязанности переводчика, если требовалось: английский в какой-то минимальной мере Вадим Вячеславович знал, хотя помощь при общении все-таки требовалась…

А вот с немецким и французским у него проблемы…

– Вы знаете три языка? – с невольным уважением поинтересовался Олег.

– Пять, – вздохнул Евгений Борисович, словно сообщал оперативнику не о своем блестящем образовании, а о неизлечимой болезни. – Еще шведский, датский… Шестой, испанский, пока что далек от совершенства.

Александров посмотрел на Чайкина как на инопланетянина: сам он никаких других языков, кроме русского, если не считать почему-то намертво застрявшей в памяти со школьных времен фразы «Аё воз бон ин Москоу», не знал. А посему, дабы не плодить в себе лишних комплексов, заставил себя вернуться к сути услышанного:

– Вы говорите, объявление о банкротстве оказалось для вас неожиданностью?.. Когда, кстати, это произошло?

– За три недели до Нового года, – уверенно произнес молодой человек.

– Но если вы занимались докладами и прочими текстами, фактически готовили их для Сурина… Почему это стало для вас неожиданностью? Наверняка же какие-то основания, по крайней мере в последние месяцы, просматривались?

– В том-то и дело, что нет. – Чайкин отрицательно покачал головой. – Потом, нельзя забывать, что все, с чем имел дело я, рассчитано на окружающих, партнеров… Словом, не для внутреннего пользования. Возможно, несмотря на то что дела у Вадима Вячеславовича вообще в банке шли плохо, у

него до последнего момента оставалась надежда. Могла быть какая-то крупная сделка с известной долей риска, в итоге рухнувшая…

Он немного помолчал, затем бросил на оперативника быстрый взгляд и, слегка покраснев, отвел глаза:

– Ну и, конечно, нельзя совсем отметать наихудший вариант, в свете которого как раз может возникнуть связь с убийством…

– Ложное банкротство? – произнес Олег.

– Знаете, – жалобно сказал в ответ Чайкин, – я правда вряд ли смогу быть вам тут полезен, сами видите, у меня сплошные домыслы. Вот Илья Семенович – совсем другое дело, он с Вадимом Вячеславовичем работает с момента основания банка, и вообще все считают его просто блестящим финансистом… Но Голдин сейчас занят, у него представители Центробанка. Думаю, это надолго…

– Давно они заседают?

– Не больше часа.

– Вы не в курсе, в Центробанке тоже зародились те же сомнения в подлинности банкротства, что и у вас?

– Разве я говорил, что у меня есть сомнения? Что вы! – разволновался Чайкин. – Я же рассуждал чисто теоретически! Поймите, у меня действительно о финансовой стороне нашей деятельности представление самое общее!

В конечном счете, так и не сумев прорваться в кабинет Голдина, Олег счел за благо оставить рыженькой секретар-

ше свой мобильный номер и отправился перекусить, наказав девушке перезвонить ему сразу же, как только финансист освободится.

Звонок застал его в небольшом кафе, расположенном на Арбате, как раз в тот момент, когда, поглотив всего-то две чашечки кофе и один-единственный, правда, надо признать, вкуснейший чебурек с салатом, он с праведным возмущением разглядывал поданный официантом счет. С точки зрения Олега Васильевича, на указанную в нем сумму вполне можно было закупить продуктов денька на два – на три на ближайшем рынке. К сожалению, выяснять отношения с официантом не осталось времени: секретарь предупредила Александрова, что в распоряжении Голдина на встречу с оперативником не более двадцати минут…

– Я понимаю, как это важно, – пояснил и сам Голдин, когда запыхавшийся капитан объявился у него в кабинете, – но поймите и вы меня: эти господа из Центробанка вернутся максимум через час, чтобы продолжить свою пытку, а я ведь тоже человек, устал смертельно, праздника, считайте, не видел, а теперь еще, пожалуй, и судиться с ними придется… Черт знает что они вбили себе в головы!

Вид у толстяка Голдина и впрямь был не просто усталый – вымотанный: покрасневшие от напряжения белки глаз за толстыми стеклами очков, вымороченная бледность на круглой, но в данный момент осунувшейся физиономии: гибель шефа в сочетании с атакой, предпринятой Центро-

банком, явно доконала Илью Семеновича. Возраст его, на взгляд Олега, зашкаливал где-то за шестой десяток. А может, он просто выглядел так из-за кучи свалившихся на голову неприятностей. Тем более что и главбух банка, которого, войдя к Голдину, оперативник еще застал в кабинете собирающим в пачку свои бумаги, смотрелся ничуть не лучше. Да и костюмы у обоих были изрядно помяты, а Илья Семенович еще и нынешним утром натянул явно не самую свежую рубашку.

– Судиться, говорите? – самым сочувственным, на какой только был способен, тоном поинтересовался Олег, опускаясь на длинный диван, стоявший возле окна. Хозяин кабинета, выбравшись из-за стола, еще раньше пристроился на этом же диване.

– Что, не верят в подлинность вашего банкротства? – Олег решил действовать без экивоков, в лоб.

– А вы, я вижу, наслышаны уже, – с горечью усмехнулся Голдин и, вздохнув, добавил: – Вы правы, не верят… Всю душу из нас с Иваном Петровичем, это наш главбух, вытряхнули, да и в бухгалтерии сотрудники все доведены практически до нервного срыва…

– И что, совсем безосновательно?

– Абсолютно! – твердо произнес Голдин и нервно мотнул головой. – Но… вы ведь к нам, насколько я понял по словам Жени, в связи с гибелью Вадика? Кошмар!.. Вот это правда кошмар! Надеюсь, вы найдете этих подонков… Господи,

бедный Вадим, бедная Лариса… А уж о том, что будет теперь с нами, и вовсе молчу…

– То есть?

– Поймите, если хочешь придраться, всегда найдется к чему, особенно в нашей сфере… Вадима больше нет, следовательно, всех собак будут вешать на нас… На меня в первую очередь… Господи, знать бы, у кого поднялась рука…

Илья Семенович снова мотнул головой и дернул ворот своей рубашки – словно ему стало душно.

– Как же я надеюсь, что вы найдете негодяев… – почти прошептал он.

– Обязательно найдем, – произнес Олег, – конечно, если вы будете с нами искренне сотрудничать. Должны же быть у вас, Илья Семенович, какие-то вполне основательные соображения на этот счет? Вы, насколько знаю, много лет проработали с Суриным, наверняка знаете и его друзей, и, главное, врагов…

Голдин секунду помолчал, задумчиво глядя перед собой, прежде чем заговорить.

– Друзья, враги… – произнес он наконец невесело. – В наше время, к сожалению, разобраться, кто тебе враг, а кто друг, сложно. Особенно когда речь идет о таком крупномасштабном человеке, как Вадик.

– И все же.

– Да, конечно, я просто размышляю… Разумеется, для меня гибель Вадима – потрясение, и я задумался над вопро-

сом – кто? – сразу же… Примечательно, что убили его вскоре после того, как мы объявили о банкротстве, думаю, вы тоже увязали между собой эти два факта…

Олег молча кивнул.

– Конечно, врагов у Вадика было пруд пруди, я бы сказал, всегда… Но ведь до сих пор никаких попыток убить, ни одного покушения, поверите?

– Действительно, редкий случай! – согласился оперативник. – Помнится, в начале девяностых банкиров, простите, отстреливали, словно диких уток в охотничий сезон, причем и более мелкомасштабных, чем господин Сурин… Кто был у него «крышей»?

Вопрос прозвучал для Голдина неожиданно, чего, собственно, и добивался Олег. И был удовлетворен полностью, заметив, как Илья Семенович едва заметно вздрогнул.

– «Крышей»?.. – Он явно тянул время, прежде чем ответить. Капитан промолчал, и Голдин вынужден был продолжить: – Да, вы правы… Без «крыши» в те годы не обошлось… Поначалу, если память мне не изменяет… Только не обижайтесь! Но… милицейские… Правда, недолго.

– Что вы, какие обиды? – улыбнулся Александров. – Ну а после?

– После?.. Был тогда такой мелкий бандюган-рэкетир Январев… – неохотно выдавил из себя Голдин. – Он контролировал как раз окраину, на которой в те годы располагался наш банк… Знаете, если честно, когда он на нас наехал, мы

посоветовались с Вадиком и решили, что чем платить милицейским, которые нас все равно не защищают, уж лучше этому Январеву… Тем более что он и запрашивал не то чтобы очень…

– Иными словами, – усмехнулся Александров, – аппетиты у нашего общего знакомца Марата Январева сделались столь широкомасштабными, какими мы знаем их ныне, гораздо позже?..

Илья Семенович слегка поморщился, но ответил сразу же, словно был готов к возникшему вопросу заранее:

– Вообще-то, насколько мне было известно до недавнего времени, господин Январев со своим криминальным бизнесом расстался в незапамятные времена, кажется, сразу после того, как наш банк переехал с его территории… Вы в курсе, что он занимает совсем неплохую должность и соответственно положение в настоящее время?

В голосе Голдина Олегу послышалась легкая издевка, и он решил не оставаться в долгу: вряд ли Голдин не знает о событиях более чем полугодовой давности!

– А вы, Илья Семенович, разве не в курсе, что ни должность, ни положение не помешали Марату Константиновичу не только оставаться главой бандитов, но и вырастить свою шайку до масштабов ОПГ? Неужели не слышали, что господин Январев уже несколько месяцев в бегах и разыскивается как особо опасный преступник?

– Первый раз слышу! Какой кошмар, ведь Марат – наш

клиент… По старой памяти, не подумайте ничего дурного… Нет, не может быть! Неужели правда?..

«Ах ты, старый врун! – зло подумал оперативник, разглядывая вполне правдоподобную маску изумления, поспешно напяленную Голдиным на физиономию. – Так-то ты намерен с нами сотрудничать?»

– Тем более удивительно, что вы об этом ничего не слышали, – спокойно сказал он вслух. – Что, и Вадим Вячеславович был не в курсе?..

– Ох… Чего не знаю, того не знаю, – горестно покачал головой Голдин. – Если вы думаете, что Вадик был со мной откровенен… э-э-э… во всем, то жестоко заблуждаетесь… Лично я не контактировал с господином Январевым много лет, разве что косвенно, когда проверял своих подчиненных, контролируя его счет… К слову сказать, не самый солидный!

– И вы соответственно не в курсе, мог ли, например, возникнуть серьезный конфликт между ним и господином Суриным? Настолько серьезный, что завершился в итоге столь трагически?

В ответ Илья Семенович только с искренним сожалением развел руками:

– Поверьте, если б я хоть что-то знал… Возможно, вам есть смысл поговорить с нашим главбухом Котомкиным? Вы его видели, когда вошли… Правда, я не думаю, что Вадим мог делиться с ним теми проблемами, которыми не делился со мной, но… Кто знает?

Олег Васильевич внезапно ощутил, как на него навалилась прямо-таки безмерная усталость.

– Вы можете не сомневаться, – сухо сказал он, – со всеми сотрудниками банка мы обязательно побеседуем. А сейчас я хотел бы все-таки услышать, кто, с вашей точки зрения, помимо Январева, мог настолько возненавидеть Сурина, что натравил на него киллера…

Покидая «Континент-трасс» спустя три часа, Олег Александров, несмотря на небольшую пачку протоколов, покоившуюся в его потрепанном портфеле, вынужден был подвести невеселый итог: на данный момент беседы с досягаемыми сотрудниками банка ничего существенного для следствия не дали.

5

– …Итого… – Савва Васильевич тяжело вздохнул и через паузу продолжил: – Итого, дорогой мой капитан, вывод у нас с тобой на данный момент, мягко говоря, малоутешительный. Фактически после опроса сотрудников банка единственное более-менее ценное из того, что ты принес, это тот факт, что Январев был клиентом «Континент-трасса»…

– И что здесь такого уж ценного? – самокритично буркнул Александров.

– Неужели непонятно? Если он клиент – от банкротства, неважно, подлинного или мнимого, пострадал наравне с остальными. Хотя последнее-то как раз и важно: если банкротство ложное, получается, что Сурин Марата Константиновича, грубо говоря, кинул. А господин Январев таких штучек пока еще никому не прощал… Что ж, это только подтверждает нашу основную и пока что единственную версию! И то хлеб.

– Знаешь, я пытался связаться и с МУРом, и с Центробанком, чтобы хоть что-то выяснить. Ни хрена! Везде каникулы и автоответчики, будь они неладны… А на агентуру у меня просто-напросто не хватило времени.

– Я тебя не виню, – смилостивился Алексеев, – относительно автоответчиков у меня та же картина, разотдыхались, блин… От дежурных толку не больше: звоните, мол, десято-

го – и точка. Ладно, давай подумаем, что можно сделать реально, пока эти дурацкие каникулы не кончатся.

– А Борис что говорит? – поинтересовался ревниво Олег, поскольку ему по-прежнему казалось, что Погорелов, в отличие от него, бездельничает. Во всяком случае, в кабинете следователя он сегодня отсутствовал.

– Анисимов пришел в сознание, Боря его опросил… Но ничего нового тот не сказал, исключительно то, что мы и без него знаем… Ну машина, из которой стреляли, как легко было догадаться, угнанная, а заключение экспертов по оружию пока что отсутствует… Не помню, в курсе ли ты, но в этой «ауди» нашли еще и обгоревшие остатки «калаша» и «макарова», так что Алиев был прав. Сейчас эксперты пытаются восстановить номер автомата, вроде бы есть надежда… Вот и все.

– А… Борис?

– Что – Борис? – Следователь неодобрительно посмотрел на Олега. – Уж не думаешь ли ты, что Погорелов бездельничает?

– Я этого не говорил… – слегка смутился капитан.

– Но подумал! – осуждающе произнес Савва Васильевич. – И совершенно напрасно!.. Боря за эти два дня успел переворошить всю свою агентуру, точнее, почти всю… Сегодня, как он сказал, встречается с одним из самых лучших, вроде бы чуть ли не бывший вор в законе…

– Воры в законе бывшими не бывают! – возразил капитан.

– Тем более ценный персонаж, – невозмутимо кивнул следователь. – Как ты думаешь, можем мы за эти дни, пока наши славные правоохранительные органы отдыхают столь активно, что-то предпринять?

И поскольку Олег в ответ только вяло пожал плечами, сам же и ответил на свой вопрос:

– Можем, Олежек, можем. Завтра с утра едем с тобой за город – необходим повторный опрос вдовушки и суринских домашних… В свете новых фактов.

– Думаешь, кто-то из его, как ты выразился, домашних, может пролить свет на качество суринского банкротства? – В голосе капитана звучал откровенный скепсис.

– Какой-то крохотный шанс и на это есть, – как ни в чем не бывало кивнул следователь. – Но особенно меня интересуют возможные контакты Сурина с Январевым вне деловых отношений. Если они были, супруга должна знать.

– Этот старый лгун Голдин тоже наверняка знает… Вряд ли Январев, будучи клиентом банка, там вообще не появлялся! А если появлялся – вряд ли как обычный клиент: по старой памяти наверняка по начальственным кабинетам шлялся… И что? Не мог же Голдин с ним не сталкиваться! А тем не менее брешет, что много лет в глаза не видел…

– Ну ты ж говорил уже, что вдовушка – сама искренность и чуть ли не ангел. Ей-то какой смысл врать?..

– Я не ее имел в виду, а этих «домашних», – буркнул Олег. И поспешно спросил: – Во сколько думаешь выехать?

– А вот мы сейчас с ней созвонимся и выясним, когда мадам в состоянии нас принять, – усмехнулся Савва и потянулся к телефону.

Что касается активного каникулярного отдыха работников правоохранительных органов, Савва Васильевич Алексеев был не совсем прав: заступивший на дежурство через два дня после новогодней ночи Александр Борисович Турецкий, к своему немалому удовлетворению, обнаружил у себя на столе факс, присланный Вячеславом Ивановичем еще накануне: видимо, предыдущий дежурный позаботился положить его адресату, открыв для этого его кабинет.

Удивительное дело, но Турецкий, традиционно присоединявшийся к слаженному хору своих коллег, жалующихся на перегруженность и отсутствие праздников «как у людей», к концу второго дня в кругу семьи ощутил зверскую тоску по любимой работе. И как он ни убеждал себя, что это ненормально, ничего не помогало: ощущение комфорта пришло к нему исключительно в стенах родного кабинета. А если учесть наличие Славкиного факса длиной не менее полутора метров, похоже, и тому каникулы успели стать поперек горла.

Чтобы убедиться в этом, Александр, недолго думая, набрал рабочий номер Грязнова и буквально через минуту понял наконец, что€ такое пресловутое «чувство глубокого удовлетворения», когда по ту сторону провода послышался

знакомый Славкин басок.

– Ха! – сказал Александр Борисович. – Только не говори, что и у тебя сегодня дежурство по графику!

– По графику было вчера, – не стал отпираться Вячеслав Иванович. – Ну и что?.. Это вы, женатики, обязаны хотя бы изредка делить с супругами тяжесть семейных забот. А вот мы, молодые-холостые… Короче, Сань, сдохнуть можно от тоски из-за этих каникул! Ты мой факс получил?

Прежде чем ответить, Турецкий понимающе хихикнул:

– Получил, но еще не смотрел… А что так мало-то? И двух метров не наберется! Выписки, что ли, сделал?

– Ну да… Я так понял, что тебя в первую очередь интересует связь между Суриным и Январевым, а это у нас самый ясный момент из всех: в документах – посмотришь по факсу – указано, что изначальный капитал при создании банка «Континент-трасс» взят из воровского общака, на котором в тот момент как раз и сидел Январев. Это, как я и указал в факсе, чуть ли не единственная частная следственная версия по делу Январева, которая полностью доказана!

– Агентура?

– В том числе и агентура. Не мог же я тебе переслать все дело? Если нужны детали, принесу, когда скажешь, конечно, но…

– Да нет, пока не надо, Слав. Пока и твоего факса хватит, но попозже наверняка понадобится, – улыбнулся Турецкий, почуяв недовольство в голосе друга, и тут же слегка поменял

тему: – Ну а что относительно самого Январева? Так глухо?..

– Глухо, – вздохнул Вячеслав Иванович. – Мы с Яковлевым всю агентуру на ноги поставили, Галинка Романова ухитрилась «жучок» к его любимой родственнице в телефон впаять… Безнадежно! Залег наглухо и словно шапку-невидимку напялил, гад!

– «Жучок», говоришь? – заинтересовался Александр Борисович. – А что за родственница, если не секрет?

– Младшая сестрица… Он ее, после того как родители их самым пошлым образом спились, с десяти девушкиных лет воспитывал самолично, сейчас Екатерине Константиновне двадцать девять… Собственно говоря, других родичей у Январева нет вообще.

– И что, он ей не звонит?

– Ну как же? Звонит, чтоб ему пусто было… Из разных автоматов и соответственно из разных концов Москвы и Подмосковья сцапать, как ты понимаешь, не удалось ни разу… Этот гад даже пальчики свои на аппаратах спокойно оставляет, словно издевается… Так-то вот.

– А наружку за сестрицей пробовали установить?

– Спрашиваешь!.. – почти обиделся Вячеслав Иванович. – Яковлев-старший лучших оперов к ней приставил в две смены. Потом я его Вовку подключил, когда у тех срок слежки официальный истек… Сейчас за ней тоже мои наблюдают, можно сказать, день и ночь… Мы ж над этим делом совместно с МУРом работаем… Как понимаешь, пока что ничего

существенного не наработали.

– Интересно… – пробормотал Александр Борисович. – Интересно…

– Не вижу ничего интересного, – возразил Вячеслав Иванович. – Или у тебя есть свеженькие идеи в этой связи?

– Очень может быть! – усмехнулся Саша. – Но вначале, уж извини, я все-таки изучу твой факс. Если хочешь, приезжай часикам к двум-трем, шампанского не обещаю, а коньячок точно найдется… Пока!

Суринский белокаменный дворец произвел на Алексеева примерно то же впечатление, что и на Олега.

– Вот ни хрена себе! – выдал он, с изумлением оглядывая крыльцо с портиком и колоннами. – Это ж какие деньжищи нужны, чтобы эдакое чудовище отгрохать?!

– А то! – поддакнул капитан. – Наверняка хватило бы на бюджет какого-нибудь небольшого государства… Ладно, пошли, ты еще внутри его не видел. Банкрот называется!..

На этот раз двери им открыл охранник в обыкновенном камуфляже, на поясе висела кобура. Следователь покосился на оружие, но от вопросов воздержался: наверняка разрешение у охранника имелось.

Провели их в гостиную, но не ту, что располагалась справа по коридору, а в левую, впрочем бывшую точной копией первой – с той разницей, что и ковер, и прочая отделка здесь оказались не синие, а глубокого винно-красного цвета, а на

стойке бара стояла небольшая серебристая елочка. Хозяйка дома находилась уже здесь – в ожидании незваных гостей, встретиться с которыми согласилась не слишком охотно. Никаких воздушных одеяний на Ларисе Сергеевне не было, напротив, строгий черный костюм, зато длина юбки позволяла по достоинству оценить идеальной формы ножки вдовы, затянутые в тонкие черные колготки. Аккуратно причесанные кудри она собрала в тяжелый узел, заколов его сразу двумя черепаховыми гребнями. Словом, с точки зрения Олега, Лариса Сурина сегодня, несмотря на так и не исчезнувшую бледность, выглядела еще красивее, чем в прошлый раз… И гораздо сдержаннее: во всяком случае, на вопросы, задавал которые исключительно Алексеев, отвечала коротко.

– Январев? – переспросила она, после того как процесс знакомства с Саввой и заполнение шапки протокола остались позади. – Ну конечно, я хорошо знаю Марата… Они с мужем старые приятели…

– Часто он здесь бывал? – поинтересовался следователь, с невольным восхищением разглядывая красавицу вдовушку.

– Здесь раза два-три, на нашей городской квартире гораздо чаще, не помню сколько, но чаще.

– Когда вы видели Январева в последний раз?

Лариса ненадолго задумалась, потом слегка пожала плечами:

– Я не помню. Но довольно давно, где-то осенью… Я же сказала, что сюда он наведывался относительно редко.

– Кажется, Марат Константинович был клиентом банка вашего супруга? – Взгляд следователя стал пристальнее, но на Сурину это особого впечатления не произвело. Она снова легонько и безразлично пожала плечами:

– Не знаю. Вероятно, какие-то общие дела у них действительно были: иногда они уединялись в кабинете Вадима, чтобы поговорить… Но точно не знаю, муж не посвящал меня в свою работу.

Она вздохнула и уставилась в окно, явно переключившись на свои собственные воспоминания и чуть ли не забыв о собеседниках. Олегу показалось, что огромные синие глаза Ларисы повлажнели. Савва, видимо, тоже это заметил, потому что поторопился задать следующий вопрос: он как огня боялся женских слез.

– Вы в курсе, Лариса Сергеевна, что Марат Январев уже полгода находится в бегах и разыскивается органами как особо опасный преступник?

– Что? – Она слегка вздрогнула и повернулась к следователю. – Марат? Преступник?..

– Именно!

Изумление, с которым женщина взирала на Алексеева, было явно искренним:

– Ну и ну… Конечно нет, впервые слышу… А что он сделал?

Алексеев сделал вид, что не расслышал наивного Ларисиного вопроса и поторопился задать свой следующий.

– Допустим… Ну а насчет того, что ваш собственный покойный супруг обанкротился, тоже не слышали?

– Слышала, – неожиданно кивнула она. – Совсем недавно, от Ильи Семеновича Голдина – это заместитель мужа… Он позвонил вчера… Пояснил, почему его не было на похоронах. Сказал о банкротстве и еще о какой-то проверке, я не поняла. Я в этом не разбираюсь…

На последних словах голос Ларисы совсем упал, и слезинка – одна – все-таки скатилась по ее щеке, очевидно вызванная воспоминанием о похоронах.

– Я имел в виду другое, – чуть громче, чем следовало, произнес Савва, – от супруга вы о такой неприятности слышали?

Сурина молча помотала головой, поспешно вытерла ладошкой слезу, чем привела Олега в умиление. И, видимо с трудом взяв себя в руки, повторила:

– Муж не посвящал меня в свою работу… в свои дела. Я в этом ничего не понимаю.

– Ясно… – вздохнул следователь и, покосившись на торопливо заполнявшего протокол капитана, спросил: – Скажите… За время, которое прошло после визита к вам Олега Васильевича, вы не вспомнили все-таки, кто помимо домашних и обслуги мог знать о времени отъезда Вадима Вячеславовича и компании в Старый Оскол?

И вновь женщина покачала головой:

– Нет. Сама я ни с кем, кроме Верочки, об этом не гово-

рила, а обслуга?.. Может быть, кто-то и проболтался, но разве они признаются? Гарантировать я могу только молчание няни: Нина здесь никого почти не знает, ей просто не с кем обсуждать такие вещи.

– Она из вашего родного города? – Этот вопрос следователь, по мнению Олега, задал исключительно чтобы хоть что-нибудь сказать. Поскольку визит их сюда явно был исчерпан и вновь не принес ничего нового, не говоря о существенном, для следствия.

– Да, – грустно кивнула Лариса, – мы с Ниной обе из… – Она назвала, пожалуй, самый крупный приуральский город, хорошо известный всей России своими оружейными заводами: в советские времена он считался засекреченным, хотя въезд в него, равно как и выезд, всегда был свободный – исключение представляли иностранные граждане…

Уже покидая обширную территорию белокаменного дворца, Савва Васильевич покосился на Олега, с унылым видом крутившего баранку своего «жигуленка» в сторону выезда, и усмехнулся:

– Слушай, тебе ничего не показалось странным?

– А должно было? – ответил вопросом на вопрос оперативник. – Правда, не ясно что… То, что Сурин не посвящал ее в свои делишки, по-моему, более чем нормально… Так что ты там углядел?

– Если помнишь, всю компанию уложили из «калаша» и «макарова».

– Ну и что?

– Ничего, если не считать того, что и «калашников», и «макаров» производятся как раз в родном городе нашей вдовушки и ее няни…

– Ты, должно быть, спятил, Савва? – От возмущения Олег дернулся, и движок «жигуленка» немедленно заглох. – Да ими еще с совковых времен вся страна завалена! Спятил, подозревать в чем-то эту девчонку? Она же сущий ребенок!..

– Да кто тебе сказал, что я ее подозреваю?! Будто без тебя не знаю, что «калаши» да «макаровы» по всей Руси великой только что на земле не валяются… Я ж это так – можно сказать, чисто художественно сыронизировал: на все наши жиденькие материальчики только одно-единственное совпадение – и то никчемное…

– Тьфу на тебя! – Олег вновь завел движок и рванул к медленно разъезжавшимся в стороны воротам сразу как минимум на третьей скорости.

До самой Москвы следователь и оперативник об этом явно тухлом деле больше не говорили.

6

Вячеслав Иванович Грязнов, расположившийся в своем любимом кресле в кабинете Турецкого, на генерала, как с грустью отметил Саша, в данный момент походил мало. Вид у него был утомленный, штатский костюм давно вышедшего из моды темно-синего цвета слегка помятый, под глазами темные круги… «Сдает Славка…» – с горечью подумал Александр Борисович и, вздохнув, разлил обещанный по телефону коньяк. Пристроились друзья, как обычно, за небольшим журнальным столиком, на котором никаких журналов отродясь не водилось.

– Ну, прозит! – приподнял свою стопку Турецкий, а Грязнов-старший просто молча кивнул. Так же как и в ситуации с Яковлевым, Грязнов-младший тоже имелся, но доводился Вячеславу Ивановичу не сыном, а племянником: Денис Грязнов возглавлял хорошо известное как в столице, так и далеко за ее пределами частное охранное предприятие «Глория».

Зажевав порцию напитка маленьким бутербродом-канапе, прихваченным из дома, Александр Борисович наконец заговорил о деле Январева.

– Слушай, Слав, – осторожно начал он, – я все понимаю: когда следствие буксует на месте, никакой радости это не приносит… Тем не менее вряд ли стоит придавать столь

большое значение упреку Меркулова: январевская шайка всегда была одной из самых законспирированных в стране. Наверняка все места, где этот ублюдок может отлежаться, и по сей день неизвестны… Насколько я понял из твоего факса, арестованные вами отморозки молчат наглухо…

– Вообще-то не все, – мотнул головой Слава. – Ты ж читал факс. Если помнишь, именно Кулемин и выложил нам изначально историю суринского банка…

– Помню, конечно, – улыбнулся Турецкий. – Правда, если верить его показаниям, господин Сурин «дружил» не только с Маратом Константиновичем, его услугами пользовались еще парочка криминальных авторитетов…

– Да, поиски заказчика это только осложняет… Но на его «банкротстве» все-таки больше всех пострадали Январев и его шайка!

– Если не считать тех семи банкиров, – вздохнул Турецкий, – у которых они брали кредиты и, вместо того чтобы вернуть, переводили на свои счета в «Континент-трасс»… Вот и получается по всему, что, пока не отыщем Январева, с места с этим убийством не сдвинемся…

Вячеслав Иванович покосился на друга, в его глазах мелькнула какая-то мысль:

– Слушай… Ты вроде бы намекал по телефону насчет какой-то идеи. Или мне послышалось?

– Не послышалось. – Александр Борисович немного поколебался, но все-таки продолжил: – Возможно, тебе, как ста-

рому консерватору, моя идея и не покажется, но все же… В общем, для ее осуществления мне понадобятся распечатки всех телефонных разговоров Январева с его сестрицей, в том числе текущие.

– Да ради бога!.. А зачем?

– Слав, можно я пока не стану продолжать? Честно говоря, шансов на положительный результат где-то пятьдесят на пятьдесят, так что… Единственное, что еще скажу, – как-то не верится мне, что Марат наш в своем логове, где бы оно ни располагалось, все это время обходится без продуктов! А значит, кто-то их ему туда поставляет, верно?

– Ну?

– Своим отморозкам, после того как их застукали на вполне надежной, по их мнению, квартире, он вряд ли может теперь доверять. Во всяком случае, я бы на его месте не стал. Значит, остается кто?.. Правильно, родная сестра, уж она-то точно не заложит! Или я неправ?

– Прав-прав, – разочарованно вздохнул Грязнов. – Только, Саня, если бы ситуация отвечала твоему сценарию, мы бы давно и Январева, и его сестрицу сцапали. К твоему сведению, я и Дениску негласно подключил к слежке за этой дамочкой… Ты сам-то можешь припомнить хотя бы один случай, чтобы ребятки из «Глории» кого-то прохлопали?

– Нет, не могу, – согласился Турецкий. – Но согласись, что и с ними могло такое случиться, они же, в конце концов, не волшебники, верно?

– Послушай… – Грязнов сердито заерзал в своем кресле. – Да если хочешь знать, я тебе наизусть могу все расписание и все передвижения этой дамочки пересказать! А хочешь, вообще распечатку сделаю!

– Хочу! – слегка завелся и Александр Борисович. – Более того, забыл сказать, что она мне тоже понадобится – наряду с телефонными!

– Ха! Да на здоровье! Наша Екатерина Константиновна, между прочим, образ жизни ведет весьма рассеянный… Кстати, бабенка довольно ничего себе! Из тех грудастых блондинок, от которых братва обычно млеет и тает, как десятиклассники…

– Что значит – рассеянный образ жизни?

– То и значит! По расписанию у нее только фитнес-клуб, а по вечерам не менее двадцати пяти раз в месяц всевозможные злачные местечки, среди которых на первом месте казино… Не подумай, что одно и то же: по-моему, за это время она половину столичных заведений такого рода обследовала!

– И что, удачно? Я имею в виду, выигрывает?

– По-разному. – Вячеслав Иванович пожал плечами. – Зато из ночных клубешников без улова, по-моему, ни разу не вернулась: всякий раз с кавалерами и всякий раз – с разными… Впрочем, постоянный бойфренд тоже имеется, владелец одной из казиношек, правда не самый крутой.

– Судя по твоим словам, в средствах Екатерина Константиновна не стеснена. Похоже, братец обеспечил ее на

несколько лет вперед?

– Наверное… Бойфренд тоже, похоже, участвует… Но что это может нам дать? Только то, что при столь рассеянном образе жизни и абсолютной поглощенности собственной персоной на беглого братца у нее просто-напросто не остается ни времени, ни желания, ни сил!

– О чем же тогда они говорят по телефону? – удивился Александр Борисович.

– Марат, судя по всему, еще не изжил по отношению к сестре родительских чувств, поскольку его крайне интересует ее здоровье, например, а заодно демонстрирует, что девушка, несмотря на его вынужденное отсутствие, находится под контролем…

– Ага… Одним словом, чтоб не зарывалась… А она, судя по всему, может?

– Еще как! Ты по-прежнему не расстался со своей таинственной идеей? – Грязнов впервые за время визита улыбнулся.

– Нет, мой генерал! – ответил улыбкой на улыбку Турецкий. – Скорее укрепился. Но более ни слова! Завтра, кстати, встречаюсь со следователем областной прокуратуры, который ведет дело Сурина. По телефону голос у него был ничуть не веселее твоего – думает, наверное, что контроль Генпрокуратуры означает серию чиновных пинков по известному месту трудяг с «земли». Попытаюсь его разочаровать!

Проводив своих незваных гостей – симпатичного оперативника и, с ее точки зрения, слишком въедливого и сурового следователя, – Лариса Сурина вернулась в красную гостиную и, подойдя к бару, достала початую бутылку французского вина и бокал.

– Опять?

Неласковый голос, раздавшийся за спиной женщины, заставил ее вздрогнуть, и изящный бокал тонкого чешского стекла едва не полетел на пол. Лариса резко обернулась к двери.

– Тебе-то какое дело? – Сейчас она уже не выглядела ни вялой, ни обессилевшей в своем горе: глаза Суриной сердито сверкнули, на нежных щеках проступил румянец.

– Очень просто, – жестко произнесла Нина Степановна и, решительно подойдя к Ларисе, бесцеремонно отобрала у нее бутылку и водворила ее на место. – Кажется, Женя ясно просил тебя не напиваться, по крайней мере в эти дни!

– Он что, снова звонил? – Настроение Ларисы Сергеевны вновь резко переменилось, она затравленно глянула на няню и покорно отошла от бара.

– Часа полтора назад, – коротко ответила та. – И визит ментов предсказал – как видишь, оказался прав.

– Что ему было надо?

– Чтобы ты по крайней мере не напивалась, пока… Пока вся эта история не закончится.

– При чем тут я? Или он сам? Ладно, может, тогда ска-

жешь, чем мне приказано заняться, чтобы не подохнуть от скуки?

– Книжку почитай, – насмешливо произнесла Нина Степановна и, круто развернувшись, вышла из гостиной, не обратив ни малейшего внимания на гримасу страдания, исказившую лицо Ларисы.

Посидев немного в кресле, в котором принимала незваных гостей, Лариса тяжело вздохнула и, поднявшись, поплелась на второй этаж – в свою спальню. Добравшись до нее, она заперла дверь изнутри и, мстительно усмехнувшись, направилась к эркеру, в глубине которого стояло основательно разросшееся «денежное» дерево. Пошарив за ним, она извлекла из угла, который даже горничная считала недоступным для своих усилий, небольшую серебряную фляжку: на сей раз напиток, которым она была наполнена, оказался покрепче красного французского вина.

Отвинтив пробку, выполненную в виде лошадиной головы, женщина сделала два крупных глотка и, поморщившись, направилась к широкой кровати, застланной бледно-голубым атласом. Не потрудившись скинуть черные лайковые шпильки, бросилась ничком на легкое, скользкое покрывало.

– Вот тебе, старая карга… – пробормотала Лариса. И, полежав неподвижно несколько секунд, перевернулась на спину, сердито глянула на украшенный росписью под старину потолок: – Ну как – как меня угораздило втюриться в это-

го… этого! О господи!..

И, не найдя ответа на свой риторический вопрос, Лариса Сергеевна Сурина еще раз глотнула из фляги крепчайшего, неразбавленного виски. Скорее всего, ответ ей следовало поискать в годах столь далеких, что они уже почти выветрились у нее из памяти.

Ларочка Дроздова родилась примерно за четверть века до описываемых событий в городе, который возненавидела, едва обрела способность хоть как-то осознавать окружающую ее действительность. Это обстоятельство и определило главную мечту ее жизни: удрать из хмурого, серого Н., небо которого было украшено производственными дымами всех мыслимых и немыслимых оттенков, при первой же возможности. Куда? Ну разумеется, туда, где существует жизнь, достойная ее красоты и ума. И если относительно своих умственных способностей она несколько преувеличивала, то с красотой действительно все было в порядке.

Ну а в том, что с переселением в столицу у нее все получится легко и просто, Лариса не сомневалась ни секунды: для этого имелся папочка, директор одного из крупнейших в стране нефтеперерабатывающих комбинатов. Уж как-нибудь расстарается для единственной-то дочурки!

Нельзя сказать, чтоб Лариса была нежной и любящей дочерью. Но если мать она почти откровенно презирала, то с отцом предпочитала поддерживать почтительные отноше-

ния: еще лет в семь девочка поняла, благодаря кому из родителей у нее самые красивые среди подружек игрушки, самые нарядные платьица и на чьей машине возит ее в школу заботливый водитель дядя Ваня. Кто же знал, что в конечном счете именно благодаря матери с ее вечными глупостями, а вовсе не отцу ее мечта раз и навсегда расстаться с презренным городом осуществится?

Участие Ларисы в детском городском конкурсе красоты в свое время было как раз маминой идеей. Наверное, девятилетняя Ларочка ни за что бы не согласилась, но именно в тот момент кто-то из папиных знакомых привез из-за границы дочке директора потрясающей красоты платье, а к нему туфельки на крошечных, но настоящих каблучках и сумочку. И куда, спрашивается, все это надеть, дабы подружки окончательно поумирали от зависти посреди зимы? Платье-то было летнее, налезло на девочку впритык, а к весне она могла и вовсе из него вырасти. Усмотрев таким образом в грядущем конкурсе возможность продемонстрировать отпадный наряд, Ларочка снисходительно согласилась с мамашиной идеей. И, неожиданно даже для себя самой, стала победительницей, обнаружив к тому же помимо вполне приличного знания школьной программы врожденный артистизм, фотогеничность и полное отсутствие смущения перед аудиторией.

А спустя полтора года папа, как источник семейного благополучия, иссяк: началась перестройка (или просто она на-

конец докатилась до их глубокой провинции), в процессе приватизации комбината отец лишился своей должности и, так и не пережив того, что из-за умело подсидевшего его парторга, лишился своего «законного» куска, спустя еще год умер от обширного инфаркта, оставив Ларису с матерью практически без средств к существованию. Деньги, вырученные от продажи загородного охотничьего домика, двух машин и имевшейся второй квартиры, исчезали у не привыкших экономить матери и Ларисы с космической скоростью…

Позднее Лариса Сергеевна Дроздова не любила вспоминать те несколько лет, которые они с матерью прожили как в страшном сне. Ей казалось, что тогда чуть ли не каждый день приносил одни только горькие сюрпризы: очередной отвернувшийся от них «старый друг», очередная попытка матери устроиться на «хорошую» работу с помощью бывших отцовских сослуживцев, выбившихся, в отличие от покойного папочки, в люди…

Зато второй в ее жизни – тоже городской – конкурс красоты ей точно не забыть: с помощью их прежней домработницы костюмы для него переделывались из старых, когда-то нарядных тряпок. И самое главное – вторая в ее жизни победа! К тому моменту Ларисе исполнилось двадцать лет, она сумела с третьего захода поступить в местный педагогический институт и в конкурсе участвовала как раз от него. А еще она считалась признанной красавицей не только в институте, но и в собственных глазах и несколько снисходительно флир-

товала с главным редактором местной, весьма популярной молодежной газеты. Ничего особого, впрочем, ему не позволяя, но предпочитая держать на коротком поводке.

Газета была как бы филиалом московской «МК», то бишь связанной с вожделенной столицей. И хотя Лариса еще не придумала, каким образом данное обстоятельство можно использовать в своих тайных целях, она на всякий случай поощряла толстого, лысого и глубоко женатого редактора… до определенных пределов. Пределы несколько подразмылись, когда выяснилось, что именно он будет возглавлять жюри конкурса: Лариса намекнула толстяку, что от его результатов и будет зависеть следующий шаг к сближению в их отношениях.

Нужно сказать, она и сама рассматривала эту возможность почти всерьез, понимая, что только ее красота может стать залогом будущего. С условием, если она сумеет правильно ею распорядиться… Дело в том, что, несмотря на обилие поклонников, свита которых не покидала девушку со школьных лет, сама Лариса к двадцати годам так и не сумела влюбиться! Возможно, дело было в том, что провинциальные ухажеры не только выглядели в глазах девушки бесперспективными и вызывали легкое презрение, но и словно создавали собой некий замкнутый круг, вырваться из которого она так давно и горячо мечтала. Кто ж знал, что именно в момент победы на городском конкурсе все переменится самым неожиданным образом?..

Он подошел к ней в момент, когда только что избранная королева красоты завершала раздачу автографов и собиралась наконец отправиться за кулисы местного Дворца культуры, в котором и разворачивалось действо, чтобы переодеться, а затем отправиться в ресторан с устроителями и спонсорами конкурса. Возник словно ниоткуда высокий, сероглазый блондин с коротким ежиком и ослепительно улыбнулся, продемонстрировав сверкающий ряд зубов, достойных рекламы «Орбита» без сахара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.